

• НИКОЛАЙ •

СВЕЧИН

ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО
МАНЬЯКА

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Сыщик Его Величества

Николай Свечин

Дело Варнавинского маньяка

«Автор»

2013

Свечин Н.

Дело Варнавинского маньяка / Н. Свечин — «Автор»,
2013 — (Сыщик Его Величества)

Коллежский асессор Алексей Лыков теперь «уязвим» для преступного мира: женившись на своей давней любви красавице Вареньке Нефедьевой и став отцом двух очаровательных сыновей, бесстрашный петербургский сыщик расследует дело жестокого Варнавинского маньяка. Жертвами этого «зверя» становятся беззащитные дети, и, не ровен час, младшие Лыковы попадут в лапы чудовища... Сможет ли сыщик справиться с собственными страхами и поймать убийцу, не рискуя благополучием собственной семьи? Новый ретро-детектив Николая Свечина – это и трогательная мелодрама, и жесткий экшн, заставляющий вспомнить лучшие образцы жанра!

© Свечин Н., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1. Находка	5
2. Недокрещенный	9
3. На Ветлуге	14
4. Плохая телеграмма	18
5. В дороге	23
6. На осадном положении	33
7. Город Варнавин	39
8. Первые знакомства	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Свечин

Дело Варнавинского маньяка

1. Находка

Лыков бесшумно поднялся по черной лестнице, остановился у двери и прислушался. Было тихо. Остро пахло помоями и ретирадным. Следом за Алексеем поднялся коллежский секретарь Бударгин и замер у стены. Три других оперативника Летучего отряда остались ниже на площадке, ожидая команды.

Бударгин вынул револьвер, взвел курок и кивнул Лыкову: давай, мол, ворвемся! Тот покачал головой: что-то не нравилось ему в этой тишине. Жестом отослав помощника в глубь коридора, сыщик спрятался за косяк, провел ладонью перед прозоркой¹ и сразу отдернул руку. Тут же изнутри грохнули выстрелы, и на дверном полотне образовались три большие дыры.

– Ух ты! – впечатлился коллежский секретарь. Не удержавшись, он подскочил к двери и дважды выпалил в ответ, целясь на звук. Из квартиры бухнуло тоже два раза. Пули, разбрасывая по лестнице щепки, вылетали наружу, как шмели; одна чиркнула Бударгина по рукаву. Тот ойкнул и убрался за косяк.

– Последний остался, – одними губами прошептал Лыков и хватил кулаком пониже прозорки. Раздался шестой выстрел, а следом за ним щелчок экстрактора и звон выпавших гильз. Пора!

Алексей отступил на два шага, собрался и одним сильным ударом плеча выбил дверь. Сыщики ворвались в квартиру. Напротив входа белобрысый парень торопливо снаряжал барабан «смит-вессона» зарядами. Не успел: Лыков так саданул ему кулаком в ухо, что стрелок улетел в кухню.

С оружием в руках коллежский ассессор обежал квартиру, но никого более в ней не обнаружил. Неустроенная и грязная, она была, видимо, малообитаема: мебель в чехлах, окна закрыты мелом, ни вещей, ни следов пребывания жильцов. Только на кухне стоял початый штоф водки и лежал надкусанный огурец.

– Ваше высокоблагородие! – позвали Лыкова от черного хода. – Гляньте, что мы нашли!

Лыков поспешил к задержанному. Агенты Летучего отряда уже надели на него наручники и обыскали. Нож и кастет лежали на сундуке, а старший филер Пестов протягивал начальству револьвер:

– Узнаете?

Это был 4,2-линейный² «смит-вессон» особого образца для скрытного ношения. Длина ствола у него составляла всего два вершка, и отсутствовала шпора для среднего пальца, обычно помещаемая на спусковой скобе. Оружие выпускалось небольшими партиями в Туле специально для сыскных агентов. Малые размеры револьвера позволяли ему незаметно помещаться в кармане. Преступники мечтали заполучить себе такую удобную вещь, но револьверы были номерными, и полицейское начальство строго за ними следило. За последние три года пропал только один такой «смит-вессон»...

– Тот самый? – спросил Лыков, хмуро глядя на арестованного.

– Так точно, ваше высокоблагородие. Его, Красноумова.

В начале весны бесследно исчез секретный сотрудник Департамента полиции губернский секретарь Красноумов. Как и Лыков, он был «демоном» – легендированным агентом, способ-

---

¹ Прозорка – дверной глазок.

² 4,2 линии – калибр 10,66 мм.

ным внедряться в уголовную среду. Смелый и артистичный, Иван состоял в любимцах всего департамента. Алексей с ним дружил и тяжело переживал случившееся. И вот – эта находка, словно последняя весточка от человека, которого уже три месяца, очевидно, нет в живых.

Коллежский ассессор подошел к бандиту, посмотрел на него тяжелым взглядом:

– Рассказывай, где взял.

– А Недокрещенный подарил, когда мы вашего «демона» в Екатерингофке топили, – ухмыльнулся тот, нимало не смущаясь. – Эх он и кричал!

Рука Алексея сама легла на шею бандиту, а по лицу пробежала нервная судорога.

– И про Недокрещенного расскажи, – хрипло потребовал сыщик.

– Щас! – дерзко ответил тот. – Может, и псалом какой спеть?

– Понимаешь, что я сейчас с тобой сделаю? Надеешься с каторги потом сбежать? Дурень; ты даже до участка не дойдешь. Будет тебе ускоренное судопроизводство. Ну? Последний раз спрашиваю.

Сыщик и налетчик смотрели друг другу в глаза. Лицо у Лыкова стало страшное – агенты даже поежились, но арестованный и не думал смущаться.

– Ты кого другого пужай, а я свое отбоюсь. Пошел к чертям!

Алексей крикнул через плечо:

– Пестов!

– Здесь, ваше высокоблагородие!

– Сними с него наручники. И закури свою.

– Слушаюсь!

Старший филер не спеша вынул папиросу, раскурил и пустил струю дыма в потолок.

– Смотри, мразь, – снова обратился Лыков к уголовному. – Тебе осталось жизни на три затяжки. Пестов сейчас докурит, и... Будешь говорить?

– Валяй, легавый, – смело ответил парень. – Нет хуже, чем смерти ждать. Ежли я вам сейчас про Недокрещенного что скажу – мне одно не жить. Долго ли, коротко, а он меня спешет. Лучше уж коротко. Валяй, казни! Твоя власть.

Лыков стоял, ждал, пока старший филер докурит. Все молчали. Наконец, Пестов крикнул и швырнул окурок на пол. Лыков кивнул агентам, те, толкаясь, поспешно кинулись на лестницу. Через несколько секунд в квартире раздался выстрел. Коллежский ассессор вышел к подчиненным, убрал дымящийся «веблей» за спину, ладонью стер с лица злые складки:

– Все помнят, что говорить?

– Так точно, ваше высокоблагородие, – ответил за остальных Бударгин. – Убит при задержании. Вон дверь-то как издырявил!

Через четыре дня в зале заседаний Окружного суда тот же Бударгин стоял перед прокурором и четким баритоном декламировал:

– Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего, мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ перед законом и пред Богом на Страшном суде Его. В удостоверение же сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

Коллежский секретарь торжественно поцеловал Евангелие и крест, придал лицу серьезно-торжественное выражение и посмотрел на прокурора собачьими преданными глазами. Тот строгим голосом произнес:

– Итак, после клятвенного обещания ответьте теперь суду, при каких точно обстоятельствах погиб Иван Сергеев Кошкин, которого вы под командой коллежского ассессора Лыкова пытались арестовать? И не содержалось ли в действиях Лыкова превышения власти и требований необходимой самозащиты?

– Никак нет, ваше высокородие, ничего такого в действиях господина Лыкова не содержалось. Указанный Кошкин стрелял в нас и даже оконтузил мне руку. Он положительно не желал сдаваться. Коллежский асессор Лыков, не рискуя подвергать опасности жизни членов Летучего отряда, вынужден был открыть ответный огонь. И я вместе с ним. Инструкция дозволяет стрелять в ответ на сопротивление противника, если это продиктовано необходимостью самозащиты.

– Да знаю я вашу инструкцию! – отмахнулся прокурор. – Пятеро на одного – и самозащита. Чему вас там только учат?

Бударгин нахмурился, но благоразумно промолчал.

– Что имеете сказать про обнаруженный на Кошкине специальный револьвер?

– Когда ответным огнем в порядке самозащиты господин Лыков застрелил упомянутого...

– Короче! – рявкнул судейский.

– Могу короче, – обиженно пожал плечами коллежский секретарь. – Когда, защищаясь от преступных выстрелов ответным огнем, господин Лыков поразил злодея, на теле последнего был обнаружен револьвер системы «смит-вессон» специального образца, находящийся на вооружении агентов сыскальной полиции. Сличение номера показало, что оружие принадлежало губернскому секретарю Красноумову, чиновнику особых поручений XII класса Департамента полиции, пропавшему без вести в первых числах марта этого года при выполнении секретного задания.

Прокурор перегнулся через конторку и впился в сыщика сверлящим взглядом:

– А может быть, Кошкин был схвачен живым? И находка револьвера вызвала у коллежского асессора Лыкова чувство злобы и желание мести? Подумайте над ответом хорошенько и помните о клятве на Святом Евангелии. Отчет придется держать перед Всевышним!

И пафосно поднял палец к потолку.

– Никак нет, – уверенно заявил Бударгин и преданно всхлипнул. – Как же я могу нарушить клятву! Кошкин был к тому времени уже убит... ответным огнем в порядке самозащиты. Да и номер мы смогли сличить только по прибытии в оружейное депо департамента. Мало ли таких револьверов на руках? Отпили ствол – и готово дело...

Остальные четыре агента подтвердили показания коллежского секретаря, и судья тут же закрыл дело о превышении власти за недоказанностью. Лыков со своими людьми вышел на Литейный. Там Алексей молча пожал сыщикам руки и отправился на службу доложить начальству. Календарное лето еще не началось – было 26 мая, но жара в 1886 году, видимо, решила взяться за дело раньше срока. Пекло уже немилосердно. Все, кто мог сбежать из раскаленного города, спешили в отпуска или на дачи. Вот и Благово на прошлой неделе укатил во Францесбад лечить больные почки. Замещавший его статский советник Цур-Гозен принял Лыкова незамедлительно.

– Ну как?

– Ребята отмазали.

– И поклялись, не моргнув глазом?

– Конечно.

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнул статский советник. – А вообще, чего это прокурор так на тебя взъелся? Дают ему грош, так, вишь, не хорош! Дело открыл... Будто в первый раз при задержании убивают!

– Потому и открыл, что не в первый, – пояснил Алексей. – В прошлом году в Темир-Хан-Шуре – помните, я командировался в Военное министерство? – тоже случилось. Я тогда Раковникова, стервеца, застрелил. Только на Кавказе меня за это похвалили – там разговор короткий; а здесь, в столице, пытались из службы исключить. Чистоплюи. Этого бы прокурорского хоть раз на пули пустить, поди, полные штаны накладет. А других судить горазд!

– Да... – пробормотал Цур-Гозен, который тоже никогда не ходил на пули. – Судейские далеки от жизни, это точно. Но... Алексей Николаич... ты бы того... Ты в отпуску давно не был?

– Два года.

– Вот! – обрадовался статский советник. – Пора и отдохнуть! Ты не обижайся, пожалуйста, но уехать тебе надо. Скрыться с прокурорского горизонта. До осени. Пусть на Литейном все забудут. С глаз долой – из сердца прочь! А в конце августа вернешься и продолжишь служить, как служил. Согласен?

– Отпустят ли? – засомневался Лыков.

– А я переговорю с Дурново³. Объясню ему. У тебя что сейчас из срочного?

– Да все то же. Ограбление Верблунера.

Цур-Гозен смачно матюгнулся. Банкирская контора Верблунера располагалась на Невском проспекте, в самом центре столицы. Недоброй апрельской ночью в нее забрались грабители, убили сторожа и похитили германского монетного золота на 112 тысяч рублей. Тевтонский посланник вручил министру Гирсу ноту; расследованием интересовался сам государь. Третьего дня люди Лыкова вышли на парня, который расплатился в «Малиннике» золотой маркой. Проследили его жилище на Охте – и Алексей застрелил подозреваемого при аресте.

– Все равно он ничего бы не сказал, – угрюмо пробормотал коллежский ассессор. – Знаю я этот сорт... И возможность ему дал. Без толку...

– Я разговаривал с агентами, – ответил Цур-Гозен, глядя в окно. – Можешь не оправдываться. Значит, опять Недокрещенный?

– Так точно. И как же я в отпуск отбуду?

Статский советник долго смотрел на серую ленту Фонтанки, вздыхал про себя и тер маленькой ладонью столешницу. Потом сказал:

– А черт с ним! Сразу после акта Недокрещенный всегда уезжает из города. Сейчас он может быть где угодно, только не в Питере. Государь собирается в Ливадию, граф уже полмесяца, как в Маково⁴. И чего ты будешь тут париться? Прокурорским лучше пока не попадаться на глаза. Пиши рапорт.

– Есть, Христиан Андреевич! – обрадовался Лыков.

– Куда направишь свои стопы?

– Скатаюсь на недельку во Францесбад, попорчу жизнь Павлу Афанасьевичу. Чтобы медом не казалась... А потом к своим, в Варнавин.

– Эх, везет богачам! – вздохнул Цур-Гозен, живший на одно жалованье. – Вам Бог дал, а нам посулил... (Как многие немцы, статский советник любил употреблять русские поговорки.) Но, Алексей Николаевич, будет тебе одно поручение. Чтобы медом не казалось... Думай, как Недокрещенного взять. Давно уж он нам жилы тянет. Жду тебя в конце августа с планом оперативных мероприятий.

– Будет сделано!

---

³ П. Н. Дурново – в 1884–1893 гг. директор Департамента полиции.

⁴ Село Маково Михайловского уезда Рязанской губернии – имение министра внутренних дел Д. А. Толстого.

2. Недокрещенный

Банда Недокрещенного впервые объявилась два года назад, в 84-м. Тогда неизвестные ограбили контору Государственного банка в Таганроге, убив трех кассиров и охранника. Поиски злоумышленников ничего не дали. Через три месяца в Москве зарезали Иосифа Чеснавера, богатейшего в городе ювелира, не гнушавшегося покупать и краденое. Начальник сыскной полиции Эффенбах сумел вычислить наводчика – им оказался родной племянник убитого. От него сыщики получили первые сведения о необычной банде гастролеров. Их было около десятка, они не разменивались на мелочи и не оставляли живых свидетелей. Последнее подтвердилось самым неожиданным образом: племянника удавили в Бутырском МОКе⁵, и исполнителя не нашли... Убитый наводчик общался только с посредником, главаря не видел, но слышал его кличку – Недокрещенный. Произнося ее, посредник, тертый калач, зажмуривал глаза и принимал стойку «смирно». Вскоре его тело обнаружили в Даниловке, в канаве.

После третьего ограбления (в Ростове убили самого богатого домовладельца) дело переехало в столицу. Департамент полиции начал циркулярный розыск. Словно в насмешку над ним, неуловимая банда провела еще четыре акта: в Одессе, Варшаве и дважды в Петербурге. Налеты обычно следовали весной и в начале лета, а на зиму прекращались. Во всех случаях был один и тот же почерк. И никаких следов, только еще десять трупов.

Благово злился – уже много лет он не испытывал такой беспомощности. Агентура докладывала, что в среде фартовых Недокрещенного не знают. В этом и была загвоздка. Если бы гастролеры принадлежали к уголовному миру, их бы давно уже арестовали. Или как минимум идентифицировали. Конечно, гайменники⁶ Горячего поля в Петербурге или душители из Даниловских пещер в Москве скрываются от закона годами. В обеих столицах есть много мест, не доступных полицейским облавам. Однако имена злодеев все известны, и при неосторожном их появлении на людях происходит задержание. Здесь же вообще ничего! Не имеется даже примет. Десяток отчаянных головорезов, сведения о которых начисто отсутствуют. Вся секретная агентура оказывается бессильной, если разыскиваемые не соприкасаются с уголовной средой.

Но даже у таких конспираторов имеется одно уязвимое место – это сбыт краденого. Пусть злодеи не ходят на «малины» и не якшаются с ворами, но все равно добытые ценности нужно обращать в деньги. А маклаки все до единого состоят на учете в сыском отделении, а часто и составляют ту самую агентуру. И если в Нижнем Новгороде их насчитывается 75 человек, то в Петербурге – более тысячи. Таких же, кто в состоянии купить бриллианты большой стоимости, не более трех десятков на всю империю. За них и взялся Департамент полиции. Проявленная при этом особенная энергичность вскоре дала результаты. Темный полтавский ювелир Мойша Зильбервассер не смог объяснить происхождение найденной у него алмазной полупарюры⁷. Сказал было, что принес неизвестный оборванец, но сыщики только посмеялись. Комплект в двадцать тысяч рублей к таким в руки не попадает. Полупарюра оказалась из вещей, отобранных у Чеснавера. В Полтаву спешно выехал коллежский советник Оконор и с ним два ассистента крепкого сложения и мрачной наружности. Начальник секретного отделения столичного градоначальства славился умением развязывать любые языки. Зильбервассер очень боялся выдавать продавцов бриллиантов, но Оконора это мало интересовало. Когда ювелир понял, что его забьют до смерти, если не расколется, он дал показания. Так в деле появился первый участник банды Недокрещенного, некий Ерославцев. Отставной подпрапорщик, уво-

---

⁵ **МОК** – мужской одиночный корпус Бутырской тюрьмы.

⁶ **Гайменник** – убийца (*жарг.*).

⁷ **Полупарюра** – неполный гарнитур из ювелирных украшений (серьги, брошь и запонки), изготовленных в одном стиле.

ленный за неблагоприятные по службе поступки, он, видимо, отвечал в шайке за сбыт слама⁸. Зильбервассер описал приметы бывшего воина. По ним сыщики быстро отыскивали Ерославцева в Москве, хотя тот и проживал по подложному паспорту. Арестовывать лиходея Павел Афанасьевич запретил, а велел подвести к нему агента. Так в расследование вошел Иван Красноумов.

Он служил сыскным городовым в Николаеве, когда там появилась и начала греметь банда Атамана Грозы (налетчика Ярошенко). Молодому сыщику предложили в нее внедриться. У него оказался замечательный талант к перевоплощению. Через три месяца банда была ликвидирована, а ее главарь уплыл на Сахалин. Красноумов получил первый классный чин и перевод в столицу. Как спасшийся от ареста николаевский гайменник, он поселился в доме Фредерикса на Лиговке и быстро стал там своим. Трехэтажный доходный дом барона относился к числу опаснейших петербургских клоак: все его обитатели без исключения были фартовые. Уже через месяц коллежский регистратор раскрыл убийство купеческой вдовы в Александровской слободе и помог изловить опаснейшего дезертира. Чин губернского секретаря стал ему наградой.

Иван числился за Летучим отрядом Департамента полиции и не соприкасался со столичным градоначальством. Однажды питерские сыскные задержали его на облаве с липовыми документами и посадили в ДзПэЗэ⁹ на Шпалерной. Веселый, обаятельный, уверенный в себе, «демон» завел там широкое знакомство и даже сделался старостой камеры. Особенно полезным оказалось его общение с представителями московской «диаспоры».

Между столичными и московскими фартовыми отношения издавна складываются не просто. Это похоже на распрю западников со славянофилами: перо в бок, конечно, не сунут, но козью морду скривят... Москвичи патриоты и неохотно пускают промышлять у себя залетных. Ну, вызовут «варшавских» подломить несгораемую кассу. Простят одесским шулерам пару выигрышей в клубах, но потом предложат и честь знать. Примут на реализацию «красноярки»¹⁰ от темных сибирских купцов. Вот, пожалуй, и все. Есть преступные профессии, требующие постоянных перемещений, – у таких, конечно, всегда входной билет в Первопрестольную. А прочих могут и попросить. Городское уголовное сообщество едино, и все всех знают, хотя бы и понаслышке; конфликты редки.

Не то Петербург. Столица – один большой вокзал. Фартовые едут со всех концов бомбить жирных питерских гусей. Внутри сообщества никакого единства: Острова живут своей жизнью, Лиговка враждует с Сенной площадью, Горячее поле снимает сливки, а пригородные фабричные окраины воюют против всех. Когда эта разношерстая публика оказывается собранной на четвертом, «воровском» этаже Домзака, распря обостряется и делается всеобщей.

Но в этой дурной сваре у немногочисленных москвичей особое положение. Их никто и пальцем не тронет, потому как потом окажется себе дороже. Мелочь, уголовная шпанка свое место знают и не высовываются. Серьезные же фартовики, кому идти на каторгу, помнят, что дорога туда лежит через Москву. Все арестантские партии с севера, запада и востока Европейской России выходят в свой скорбный путь из Бутырской тюрьмы. Любой питерский «иван», даже самый авторитетный, потеряется в этом полуторатысячном муравейнике. Партии иногда приходится ждать несколько дней, а зимой – даже недель. За это время московские ребята могут припомнить все свои обиды. Во-первых, старосты рекрутируются исключительно из местных. Во-вторых, что еще важнее, вся низовая тюремная администрация давно куплена московскими деловыми. От субинспектора до помощника смотрителя, а говорят, что и сам смотритель...

⁸ Слам – краденое, добыча.

⁹ Дом предварительного заключения, Петербургская городская следственная тюрьма.

¹⁰ Красноярки – фальшивые банкноты (жарг.)

За время случайной отсидки на Шпалерной Красноумов сошелся с Петром Наковалкиным, по кличке Кривая Шканда. (Тот сильно хромал – хапиловские перебили ногу за обман.) Наковалкин держал лучшую в Москве подпольную кассу ссуд и обслуживал первостатейных налетчиков. Сюда он попал случайно. Московские сыщики обнаружили у Петра в закладе янтарный с золотом мундштук, похищенный у егермейстера графа Олсуфьева. Начальник Петербургской сысской полиции Виноградов любил дела, где замешаны хорошие фамилии, и брал их на свой контроль. Наковалкина через день таскали на Офицерскую и добивались признания: Виноградов хотел отличиться перед графом.

Благово решил воспользоваться ситуацией и подобраться к Недокрещенному. Вдруг выгорит? Из секретных сумм департамента Красноумов дал статскому советнику Виноградову восемьдесят рублей «лапок»¹¹ и вышел на свободу. Перед самым освобождением он открыл Кривой Шканде секрет своего успеха. И предложил помочь повторить трюк, причем готов был дать нужную сумму взаймы.

Наковалкин с благодарностью согласился – дела в Москве стояли, он нес убытки и рисковал угодить на каторгу. Из тех же департаментских фондов «демон» лично вручил главному сыщику столицы тысячу двести рублей за отпуск ростовщика. Дурново весь изошелся желчью, подписывая ассигновку. «...В интересах продолжения операции... – бурчал он. – Я бы этой... нашел куда засунуть требуемую сумму, ракалье!» Но банда Недокрещенного гуляла на свободе, и все средства для ее поимки были хороши.

Кривую Шканду выпустили за недоказанностью, и он укатил в Москву. Через неделю Красноумов поехал следом – взыскивать долг. Благодарный маклак «накрыл поляну» в уголовном трактире Полякова, где был желанным посетителем. В конце гомерической пьянки «демон» вскользь упомянул, что по старым ярошенковским делам близко сошелся в свое время с братьями Цунзер. Это были крупнейшие в Варшаве, а может и в России, маклаки-ювелиры. При желании братья могли бы купить даже большую императорскую корону, причем через два дня камни из нее уже были бы в Роттердаме.

Наковалкин, умеющий пить не пьянея, промолчал, но при расставании спросил:

– Ты, Вань, когда назад собираешься?

– В ночь поеду, – ответил тот и икнул.

– А погоди еще денек!

– Пошто?

– Дельце имеется, хорошее дельце.

«Демон» насторожился и посмотрел на ростовщика трезвыми злыми глазами:

– Петр! Какое еще дельце? Ты ж только-только отначился¹². Тебя еще пасут наверняка! Ваш Эффенбах – не наш Виноградов, он «лапок» не берет. Сам сгоришь и меня утнешь. Поеду я...

– Тысячное дело, Ваня, гад буду! Уедешь – локти потом кусать станешь. И не пасет меня тут никто, я справлялся. Ну?

– Чего «ну»? Говори, Шканда.

– Сверкальца¹³ имеются. Дорогие, мне не по чину. Помоги людям с Цунзерами столкнуться, они тебе хороший лаж дадут.

«Демон» снова икнул, подумал и сказал:

– Шас ничего не скажу. Потому – херый я. Завтра решу, на трезвую голову. Боязно чего-то... но серсы нужны, пра-дело, нужны. Отвези меня в гостиничку, где клопов меньше милли-она, и к завтраку подходи, перетрем.

---

¹¹ «Лапки» – взятка сысской полиции (жарг.).

¹² Отначиться – откупиться от полиции (жарг.).

¹³ Сверкальца – бриллианты (жарг.).

Утром маклак и налетчик встретились снова и пили только чай. Шканда рассказал, что имеются бриллианты в оправе и без, общей стоимостью двести тысяч рублей. Люди хотят получить за них сто тридцать, наличными и сразу, и готовы приехать показать товар. Лаж посредника их не интересует. Еще маклак добавил, что в России эти камни сбыть нельзя, поэтому цена такая низкая.

Красноумов выслушал, подумал и сказал, что хочет увидеть держателя сокровищ. Наковалкин тем же вечером привел отставного подпрапорщика, назвавшегося вымышленной фамилией. Благово торопил с выходом на главаря, поэтому «демон» заявил Ерославцеву:

– Я со шпанкой дел не веду. Зови маза, будем с ним торговаться. И не здесь, а в Питере.

– Тебе самому лучше бы нашего маза не знать, – степенно ответил бандит. – Дольше проживешь. Товар получишь от меня и деньги отдашь тоже мне.

– С тобой, дядя, только халамидники¹⁴ будут договариваться, – ухмыльнулся Иван. – С братьями так не выгорит. Они меня спросят – я им что скажу? Что с шестеркой условился? Ярошенку своего я им в Варшаву на смотрины возил – только тогда по рукам ударили.

Стороны не пришли к соглашению, и Красноумов ушел из трактира. Он вернулся в столицу и, допуская, что за ним могут следить, вел себя очень осторожно. Действительно, с самого вокзала за губернским секретарем шел «хвост». В доме Фредерикса москвичи, видимо, купили коридорного – вещи «демона» были обысканы. Иван вел жизнь обычного мазурика и на связь с департаментом не выходил. Еще на дебаркадере он сумел незаметно сунуть рапорт в карман «носильщика» и теперь просто ждал. На третий день у подъезда его встретил Ерославцев.

– Вы по-прежнему требуете встречи с нашим главнокомандующим? – спросил подпрапорщик не здороваясь.

– Разумеется.

– Назовите время и место.

– Ну... скажем, в три пополудни в «Риме». Знаете? Апраксин переулок, против Суворинского театра. Хорошее место.

«Хорошее место» было известной в городе клоакой, где всегда толпился разный темный народ.

– Мы будем, – кивнул головой Ерославцев и ушел. А губернский секретарь отправился на Невский. Проходя по Знаменской площади, он на ходу снял барейку, стряхнул с нее какую-то соринку и опять нацепил на голову. Через четверть часа Благово получил сообщение, что встреча назначена, причем место и время соответствуют договоренностям. Девять оперативников Летучего отряда во главе с Лыковым с часу дня заперли с обоих концов Апраксин и Торговый переулки. Они не стали маячить ряжеными на улице, а укрылись в заранее снятых квартирах. Ничто не выдавало стороннему наблюдателю их присутствия.

Но противник оказался хитрее. За полчаса до встречи Красноумов вышел из греческой чайной на Театральной площади, собираясь направиться в «Рим». Подле двери его подхватили два рослых парня и насильно усадили в карету на санном ходу. Внутри «демона» ожидал Ерославцев. Движением ладони он пресек возмущенную реплику:

– Тихо! Знакомство будет, но в другом месте.

В банде все оказалось продумано до мелочей. Как только карета свернула за угол, Ивана мгновенно и без суеты пересадили в закрытый возок с какой-то баронской короной. Коляска как ни в чем не бывало поехала дальше, уводя за собой возможную слежку, а возок отправился на Петербургскую сторону. Красноумова зажали с обеих сторон чугунные плечи. Он только одобрительно хмыкнул. Через полчаса остановились на Зверинской, возле крайне нехорошего трактира «Днепр». Это был «пчельник» – заведение исключительно для уголовных. Здоровый детина на входе увидел Красноумова и осклабил:

---

¹⁴ Халамидники – базарные воры, плебеи преступного мира.

– А, Ванятка! Проходи, бисов сын!

– Привет, Сеня, привет, – ответил «демон» и спокойно шагнул внутрь, пояснив через плечо Ерославцеву:

– Это Сенька Майборода, налетчик. Вместе сидели.

Через минуту в отдельном кабинете состоялась долгожданная встреча агента с самим Недокрещенным. Беседа с неспешным обедом заняла около часа. Иван составил о ней подробный рапорт, который Лыков затем выучил наизусть. Главварь пришел в «Днепр» сильно загримированным и долго с непривычки вытаскивал капусту из наклеенной бороды. Парик, зеленые очки и искусственно состаренная кожа лица и рук сделали его, казалось бы, совершенно неузнаваемым. Тем не менее Красноумов записал некоторые приметы. «Рост 2 аршина 7 с четвертью вершков¹⁵. Плотный, корпусный. Лицо слегка вытянутое, не деревенского типа, с поджившими на левой щеке угрями. Глаза темные, цвет определить не удалось. Зубы здоровые. Возраст 30–35 лет. В осанке есть что-то военное. Голос приятный, чуть сиплый. Одет в рубашку сатино крем, триковый жакетный костюм с брюками навывпуск, обут в личные сапоги с галошами. Задумавшись, болтает ногами под столом. Когда ест, не подносит ложку ко рту, а, наоборот, придвигает к ней голову. Кушает опрятно, этикетно; видимо, имел хорошее воспитание. Очень быстро соображает, владеет мимикой лица, постоянно наблюдает вокруг себя. Легко способен подчинить собеседника своей воле. Общее впечатление: весьма умен и крайне опасен».

Губернский секретарь указал также и приметы некоторых лиц из окружения главаря. Один был высокий, атлетического сложения. Второй, одетый простолюдином и украшенный крестьянской бородой, не смог скрыть аристократических манер. У третьего, жгучего брюнета, корни волос оказались рыжими.

Это был последний рапорт Ивана Красноумова. Знакомство с Недокрещенным закончилось для него благополучно. Он вернулся в квартиру, записал сообщение и положил его в тайник. На другой день, проходя по Знаменской, агент подал знак, что готовится новая встреча. Изначально существовала договоренность, что филеры департамента наблюдать его не будут. Любая слежка рано или поздно раскрывается. Быстрая передача сообщений предусматривалась через буфет 2-го класса Московского вокзала. Лыков и его помощники каждые полчаса проходили мимо буфета и косились на лицо официанта Тимохи Штатникова. Но послание так и не пришло. Губернский секретарь просто исчез. Видимо, он чем-то себя выдал, и Недокрещенный приказал его убить. Рапорт, позже обнаруженный в тайнике, оказался последней весточкой от Ивана. Умный, смелый и очень еще молодой человек погиб, и тело его так и не было обнаружено. Зато нашли отставного подпрапорщика – он лежал зарезанный у Волчьей канавы Горячего поля.

И вот теперь Лыкова выгнали в отпуск с приказанием готовить план мероприятий по поимке Недокрещенного. Эх ма... Самому, что ли, в «демоны» податься?

---

¹⁵ 174 см.

3. На Ветлуге

Уже две недели, как Лыков проживал в квартире на Моховой один, только лишь с кухаркой. Ходить по шестикомнатным хоромам и кричать «ау!» было грустно. Варенька с детьми уехала на все лето в далекий Варнавин, и встреча с ними ожидалась только в конце августа. А тут вдруг – неожиданный отпуск! Алексей пробежался по гостиной, насвистывая что-то веселое из оперетки, опрокинул на радостях получарку рябиновки и полез в шкаф собирать вещи.

Большое заповедное имение Нефедьевых досталось сыщику в опеку после женитьбы. Оно включало в себя тридцать тысяч десятин строевого леса, большую усадьбу над поймой Ветлуги и дом со службами в крохотном, окруженном тайгой городке. Все эти богатства долго мешали нищему чиновнику сделать предложение. Несчастливая сирота, Варвара Александровна три года дожидалась, пока лихой коллежский асессор решится к ней посвататься. Сейчас майорат принадлежал в равных долях близнецам Лыковым-Нефедьевым: Павлу (семейное прозвище Брюшкин) и Николаю (по прозвищу Чунеев). Богачам было год и девять месяцев, и они перебаламутили все население поместья. Супруга давеча прислала Алексею описание их проделок – такое и трехлеткам не всем под силу... Дети росли крепкие (было в кого), веселые, но немного озорные. Ян Титус, друг и управляющий в одном лице, тоже успел родить двух девчонок. Получилась настоящая банда, за которой требовался неусыпный надзор. Варенька, жена Титуса Агриппина, няня Наташа и две горничных едва с этим справлялись.

Лыковское семейство отдыхало в Нефедьевке впервые. В прошлом году дети были еще слишком малы для таких переездов. Да и главный дом требовал починки – в нем давно уже никто не жил. Титус усиленно занимался стройкой, благо лес был собственный, а ветлужские мужики топором владеют, что Паганини смычком. Вернувшись тогда с Кавказа, Алексей испросил недельный отпуск и съездил в Варнавин на разведку. Увиденное поразило его. Широкая стремительная Ветлуга, тайга без конца и края, наполненные зверьем дебри, тихие лесные ручьи, скрытые в чаще староверческие скиты... Редко где в уезде встретишь запашку: людей кормят лес и река. Ветлугаи – особый народ, ни на кого не похожий. Ян, сидя с Лыковым на высоком обрыве, подробно описал ему местный хозяйственный механизм.

Все уголья, за вычетом казенных дач, находятся в частном владении. Владение это очень выгодное – стоимость леса каждые десять лет утраивается. По Волге ниже Казани все давно уже сведено, по Каме с Вяткой тоже. Настоящий лес в Европейской России остался только тут, в Поветлужье. Спрос же постоянно растет, особенно в Закавказье и на Украине. Шахты и пароходное движение потребляют дерево в огромных количествах. Сейчас значительную часть дела держат в руках два «лесных туза» – дворянин Лугинин и купец Ефремов. Каждый из них сплавляет по весне до трехсот плотов из собственных делянок. Почти все уголья, до самых верховий Ветлуги, уже скуплены ими, но есть и еще серьезные лесовладельцы. Самая большая дача – старика Челищева, но он сплавом не занимается и леса свои забросил. Следующие за ним по значимости – Нефедьевы и Базилевские. У Алексея с Варенькой – 30 000 десятин, у Базилевского – 21 000; после них идут уже менее значительные хозяева.

Заготовка леса выглядит так. Лесоохранительный комитет доводит до владельцев годовые нормы вырубki. Имея эти цифры, хозяин дачи осенью стоваривается со «съемщиком» – главным лицом всего процесса. Тот «снимает» леса под зимнюю вырубку на определенных условиях, чаще всего из трети, но иногда и исполу¹⁶. Целую зиму нанятые им мужики валят строевые деревья и на своих лошадях волоком стаскивают их к берегам лесных ручьев. Бревно стоит 15–20 копеек; обычно с десятины делянки снимают только один, самый спелый ствол.

¹⁶ Из трети – когда съемщик забирает себе за труды треть сваленного леса, исполу – когда половину.

Хищники пилят и больше, но такая делянка погибает безвозвратно, лес на ней больше не восстанавливается.

К началу весны возле маленьких речушек скапливаются огромные штабели леса, и те же рубщики начинают «свивать» стволы в звенья, по две-три штуки в каждом. В качестве вязи используются ветви – никаких веревок или канатов, за их дороговизной, не применяется. Широкие звенья здесь связывать нельзя – узкое русло не пропустит. Когда реки и ручьи вскрываются, рубщики производят последнее для себя действие – спускают звенья до Ветлуги. При этом бревна должны быть наполовину очищены от коры, чтобы обнаружить качество древесины. У места впадения речушек в главный поток мужиков уже дожидается съемщик и производит с ними расчет. Если ствол принят, он ставит на нем свое клеймо. Рядом выжигает казенное клеймо лесник и сообщает данные о вырубках в комитет. После приемки мужики возвращаются по домам, а их место заступают новые действующие лица – бурлаки. Народ это смелый, даже отчаянный, и происходит почти исключительно из верховьев Ветлуги. Жители нижнего и среднего ее течений недолюбливают верхних своих собратьев и презрительно называют их «адуи – зеленые глаза». Это – самое страшное оскорбление для бурлака: слыша его, он бранится и, при возможности, лезет на кулачки. Происходит слово «адуи» от названия Спирино-Адуевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии¹⁷, все население которой поголовно бурлачит.

Между тем работа у адуев самая тяжелая. Сначала они из пригнанных по малым речкам звеньев связывают (опять ветками) так называемые челены – большие звенья, состоящие из 40–60 стволов. Затем скрепляют их воедино в плот. Бывают простые плоты-однорядки, составленные из 6–8 челенов; управлять ими относительно легко, но доход бурлакам они дают незначительный. Опытные плотогоны поэтому связывают грузовики, или, иначе, соймы. Грузовик – это тяжелый многослойный плот, где каждое челено состоит из 3–4, а то и 6 рядов бревен. Любой плот – и легкий, и тяжелый – составляется в виде длинной трапеции, у которой головное челено шире концевое. Впереди ставят носовой руль – навесь, а в конце – хвостовой руль, или поносное. На втором от хвоста челене обязательно помещают шалаш. Все связки бурлаки производят вручную в ледяной весенней воде. Работа кипит лихорадочная – надо успеть провести неуклюжие плоты на Волгу до окончания паводка. Сплав по Ветлуге, как и судоходство, возможны только до первых чисел июня. Когда талая вода спадает, всякое крупное движение по реке останавливают перекаты. Их много, но есть лишь три опасных, труднопреодолимых: Карандышевский возле Варнавина, Благовещенский против одноименного села и еще в устье, при впадении Ветлуги в Волгу. Этих трех препятствий летом достаточно, чтобы парализовать всякое судоходство. Напрасно лесопромышленники и администрация трех губерний много лет умоляют власти выделить средства на доставку сюда землечерпалок и карчеподъемниц¹⁸. ... Правда, в иные годы обильный паводок позволяет плавать аж до середины июня, но такое выпадает не часто. Съемщики торопят бурлаков – им надо успеть проскочить все перекаты и доставить груз в Козьмодемьянск. Этот небольшой городок на правом берегу Волги несколько ниже впадения в нее Ветлуги на несколько недель становится главной лесной биржей империи.

Итак, бревна приняты и заклеимены, челены связаны в плоты, команда адуев набрана. Начинается собственно сплав. Длинный тяжелый плот движется по быстрой и очень извилистой реке, словно поезд летит по рельсам. Каждый поворот – страшное испытание для людей: нужно успеть повернуть малоподвижную махину прежде, чем ее вынесет на берег. Еще хуже перекаты. Уровень воды на них меняется несколько раз в сутки. Перекат обозначен бакенами, на которых цифрами выставлена глубина. Однако верить этим меткам нельзя. Бакенщики –

¹⁷ Сейчас – окрестности с. Одоевского, Шарьинский р-н Костромской обл.

¹⁸ **Карчи** – затопленные деревья.

самый дрянной и безответственный народ на реке; не зря их называют «лень перекатная». Своим главным занятием эти пьяницы считают не промер глубин в интересах судоходства, а ловлю стерляди. Последнее бакенщики производят действительно мастерски. Продав же добычу, покупают на вырученные деньги водку, напиваются и засыпают в темноте. А тяжелый плот, если вылетит с разбегу на мель, застревает на ней так, что не сдвинешь. Тогда бурлаки, матерясь, раздеваются и лезут в воду. Разбирают сойму на челены, челены – на звенья, перетаскивают через мель и у берега заново связывают. Но самая большая опасность – это острова, перегораживающие русло. Если плот не сумел прошмыгнуть в узкий рукав, он налетает с разбегу на остров и разбивается. Челены от удара рассыпаются, и деревья по одиночке уплывают вниз по реке. Кто-то их там, конечно, подберет, но для съемщика это большой убыток. А для лоцмана на плоту конец всей карьеры – больше никто и никогда не доверит ему вести сойму в Козьмодемьянск. Самое опасное из таких мест – остров Прудовский выше села Благовещенского, прямо напротив усадьбы господина Поливанова. Сколько плотов там разбилось – страсть; и народу немало погибло. На Ветлуге это запросто. Стоит, к примеру, на головном челене бурлак и толкается от дна длинным шестом, помогает править рулевому. Вдруг попадает в яму. Шест проваливается вглубь на всю длину, бурлак по инерции летит вниз головой в воду... Когда длинный плот пройдет над несчастным, то даже шапку его уже не отыщешь. Каждую весну река забирает несколько жизней, но промысел продолжается. «На воду суда нет», – говорят об этом сами бурлаки.

Есть и другие, не столь опасные способы лесного сплава. Так, в верховьях Ветлуги из бревен собирают беляны. Это такие несмоленные плоскодонные барки, сложенные без единого гвоздя и проконопаченные лыком. Беляна – груз, который везет сам себя. В отличие от сойм, барки доводятся своим ходом до Саратова и даже Астрахани, где разбираются. В трюме и на палубе перевозится самое ценное – тес, доски, брус и даже собранные избы. Плышет такая дура по реке – будто деревня путешествует! Самая маленькая беляна тащит товара на 15 000 рублей. А порой собирают чудовище пятидесяти саженей в длину и двенадцати – в ширину. Грузоподъемность такой барки составляет до 800 000 пудов, со стоимостью товара свыше 50 000 рублей. Крушение подобного гиганта – а это редко, но случается – означает разорение съемщика.

Беляны, как и соймы, сплавляются силой течения, но и от людей требуются большие труды. По руслу реки тяжелые барки сами маневрировать не могут; это делает команда с помощью особых лотов. Большие чугунные болванки весом до 300 пудов имеют на боках крупные выпуклые шишки. Специальным воротом болванки спускаются в воду на крепких канатах и начинают волочиться по дну, цепляясь шишками за его неровности. Этим бег плота или барки сдерживается и направляется. Особо необходимо применение лотов в узких проходах или на повороте. Спуск и подъем лота очень опасны. Если канат оборвется под тяжестью, лопнувший его конец разит всех вокруг, словно меч. Известны случаи, когда стоящему на входе человеку срезало голову...

Короткий по времени сплавный промысел кормит тем не менее тысячи людей. С начала апреля и по июнь идут по Ветлуге бесконечные караваны плотов. Словно канонерки, несутся по сильному течению беляны. Все напряжены, все торопятся. На ночь сплавщики чалются к берегу, выставляют на плотах особые огни, разжигают рядом костер и наспех отдыхают. Днем каждый плот имеет еще и флаг с инициалами лоцмана. В конце мая на реке тесно. Случаются зацепы и столкновения, а с ними и драки. Все бранят бакенщиков, а те спят в кустах. Жители прибрежных сел делают свою коммерцию – подвозят бурлакам провизию и водку. Тогда начинаются стычки посерьезнее, даже с увечьями. Однако по пути вниз бурлаки напиваются относительно редко: работы много, и деньги еще не получены. Они возьмут свое на обратном пути. Когда плоты делаются уже редки, снизу появляются ветлужские пароходы. Маленькие и грязные, они везут адуев по домам. На палубе яблоку упасть некуда, а пьяная залихватская песня слышна на весь плес. Буфет мгновенно опустошается, и плавание проходит впроголодь для

всего населения парохода. Чистая публика негодует, но молчит – с адуями шутики плохи. Значительную часть своей скромной выручки они тратят на выпивку. Когда триста пьяных мужиков начинают хозяйничать на судне, никому не приходит в голову им перечить. Особенно любят бурлаки высмеивать припозднившихся своих товарищей со встречных плотов. Когда пароход поравняется с таким, адуи сбегаются на ближний к ним борт, грозя опрокинуть посудину. Начинаются соленые шутики, насмешки и издевки над своим же братом – бурлаком. Пароходы развозят сплавщиков по ветлужским пристаням. Постепенно на палубе становится все просторнее и просторнее. Капитаны тоже спешат – им нужно вернуться в низовья до спада воды. Расписания поэтому никакого не существует, торговые интересы игнорируются, пассажиры не берутся. Народ скандалит, но изменить ничего не может. Иногда мужики, пристань которых пароход хладнокровно проплыл без остановки, бьют капитана и всю команду по мордам. Вот такая навигация...

4. Плохая телеграмма

Все это рассказал тогда Лыкову Титус, сидя на крутом берегу Ветлуги. Объяснил и свои планы усовершенствований в имении. Во-первых, Яан сам предполагал выступать съемщиком, что сэкономило лесовладельцам до половины выручки. Во-вторых, он решил отказаться от плотов и весь материал сплавлять белянами. Риск катастрофы меньше, лес доставляется быстрее и сразу большими партиями. Если нанять лучших капитанов и лоцманов, даже за хорошее жалование, в Козьмодемьянске окажешься раньше многих и успеешь снять сливки. И в-третьих, он предлагал от торговли лесом перейти к продаже продуктов переработки. Управляющий уже поставил на Нефедьевской пристани лесопильню, а в самой даче планировал устроить паркетный завод. Следующей весной он собирался привезти на Козьмодемьянскую биржу не дешевые бревна, а тес, штакетник, рейку и готовые избы. Даже стружка у Яана не пропадала – она шла на конопачение тех же изб и еще закупалась посудными фабриками для упаковки. Отдельно Титус обдумывал поставлять дрова – на безлесый юг и Каспий.

Лыков одобрил все эти планы и сказал бывшему сыщику с уважением:

– Ты, Яша, словно всю жизнь коммерцией занимался. А я думал, только жуликов ловить умеешь...

– Эх, Леха. Это для меня такая радость: мирным трудом семейство содержать. Надоели эти жулики! Всегда желал ходить без шпалера, а по вечерам детям книжки читать, а не в засаде париться. Так что новой жизнью я весьма доволен.

– И не тянет к прежнему? – удивился Алексей. – Я бы, наверное, не смог...

– А ты и не пробовал. Имение есть, семья. Займись хозяйством! Тут дел – до скончания века не переделать.

– Нет! – в ужасе вскричал коллежский ассессор. – У меня для этого ты нанятый, вот ты и улучшай. А я останусь при прежнем ремесле. Скажи только – каково оно, ходить без револьвера?

Титус вдруг при этих словах оглянулся по сторонам и ответил вполголоса:

– Не знаю. Я тут, понимаешь, своими нововведениями много чужих интересов задел. При Нефедьевской даче раньше куча народа жировала. Лес снимали только исполу – сразу вдвое хозяина обирали. Притом хищничали, валили по пять-шесть стволов с десятины вместо одного. На лесном кордоне объездчики сговаривались с крестьянами и позволяли им за взятки незаконную порубку. Я весь сброд повыгонял, а хищников оттер. Ну и... Получил предостережение. Зря, мол; нужно с людьми договариваться, а не то...

– Та-а-ак... – протянул Алексей. – А чего молчал? Давно было предупреждение?

– Молчал потому, что тебя ждал. Такие вещи в письмах не объясняют. Разговоры – их было три или четыре – прошли все в этом апреле. Я сделал по-своему, в итоге нам подожгли лес. Потушили быстро – я ожидал подобного и подготовил пламегасительные снаряды, но убытки мы понесли. Потом выстрелили в меня на лесной дороге.

– Выстрелили?!

– Тут с этим просто. Места глухие, чащобные. А я весь день в хлопотах, туда-сюда езжу; устроить засаду ничего не стоит. Народ опять же лесной – и беглые есть, и дезертиры. Уренская волость вся старообрядческая, они там черта укроют за малую мзду.

– Как же быть? Может, ты того... отъедешь маленько? Денег нам хватит, а твоя жизнь дороже выручки. Яш, брось свои принципы к лешему! Я, в конце концов, приказываю!

Титус очень серьезно поглядел Лыкову в глаза и вздохнул. Снова оглянулся через плечо, и только сейчас Алексей заметил, что вид у его друга очень озабоченный.

– Нельзя отъезжать, Леш. Ты уж мне не приказывай такое. Им сунешь палец – откусят всю руку, я знаю. Нефедьевых при прежнем управляющем обворовывали ежегодно не менее

чем на тридцать тысяч. Половина уезда этим кормилась! Отпустим сейчас вожжи и уже не удержим их никогда, все на старые круги вернется. Или они меня запугают и сломают, под себя переделают, или у твоих детей в имении будет порядок.

– А полиция? Ты обращался?

– Полиция здесь, Леш, только пьяных у кабаков собирает, чтобы потом выпустить с пустыми карманами. Что ты, не знаешь, какая полиция бывает в уездах?

– Я сегодня же побеседую с исправником! Пугану так, что мало не покажется – пусть помогает тебе.

– Чем же ты его пуганешь? Своей службой в департаменте? Так ведь Петербург далеко, и чин у тебя незначительный. Приедешь раз в год на неделю и опять укаатишь. И в Костроме мы с тобой никого не знаем. Не обольщай себя.

– Хорошо. Чем я могу тебе помочь?

– Я хочу заменить всех объездчиков. Всех. Развращенные люди, их уже не переделаешь. Найму честных мужиков, лучше из бывших егерей и пограничной стражи. Придется – объявление дам в газетах. Жалованье, жилье, пенсия – только служи на совесть.

– Одобряю. А еще?

– На заводах у меня люди надежные, вся беда в кордонах. Заменю объездчиков, и все поймут, что у меня не забалуешь. Тогда отстанут.

– Возьми себе охрану, один больше не езд. Выпиши опытного человека из Нижнего, а лучше двух. Таких, кого сам знаешь и доверяешь. Денег на это не жале. Что еще? Говори сейчас, пока я не уехал.

– Этого достаточно. Но есть еще дело. Посерьезнее этого.

– Что может быть серьезнее? – удивился Лыков.

– Кто-то в Варнавине детей убивает.

Лыков опешил:

– Здесь? В этом сонном царстве? Маньяк?

– Да.

– Когда это началось? И сколько жертв? Кто они?

– Три ребенка за последние два года. До этого не случалось.

– Черт! Вот это новость... А я своих сюда собираюсь на лето отпускать; а твои вообще тут живут... Расскажи все в подробностях! Что говорят исправник и судебный следователь, какие имеются улики или догадки; о жертвах расскажи.

– Судебный следователь молчит под предлогом тайны следствия. Я для него частное лицо, он мне отчетом не обязан. Исправнику вообще все безразлично. Он вообще какой-то... снулый. Поэтому об уликах ничего сказать не имею. Вот про жертвы кое-что знаю. Я сунул пятишницу нашему становому, и тот рассказал. Он осматривал два трупа из трех. Мальчика десяти лет и одиннадцатилетнюю девочку.

– То есть убийства были в вашем стане?

– Нет, в самом Варнавине. Становой оба раза замещал городского пристава¹⁹; тот что-то часто бывает в отъезде. И в оба раза случилось такое несчастье. Детей удавили.

– Где и как нашли тела?

– Оба тела нашли в овраге между крайними домами и кладбищем для бедных. Кстати, в трехстах саженях всего от вашей городской усадьбы. Место хоть и близко от жилья, но нехорошее. Глубокое ущелье, заросшее лесом. Черт ногу сломит. Люди там не ходят, боятся.

– Детей просто удушили? А...

– Нет, полового насилия не было. Но удушили их не просто, а сначала мучили.

---

¹⁹ **Городовой пристав** – должность, существовавшая в некоторых уездных городах. На правах помощника исправника он осуществлял полицейский надзор в городе.

Сыщики – бывший и настоящий – замолчали. У Лыкова под скулами ходили желваки. Наконец он сказал:

- Ты упоминал о трех жертвах. Кто третья?
- Еще один отрок, постарше, двенадцатилетний. Его обнаружили месяц назад под мостом через речку Красницу. Становой сам тела не видел, но говорит – тот же почерк.
- Каких семей были дети?
- Мещан и проживающих в городе крестьян. Все из простого сословия.
- Значит, у вас тут маньяк...
- Маньяк.
- Етит твою!!! – рывкнул Лыков, грозя кому-то кулаком. – Тихий сонный городок!
- Да. И в нем мои дети. А со следующего лета и твои.
- Надо поймать этого гада. Ты уже об этом думал?
- Разумеется. Я же не самый плохой был сыщик, правда? Придется только одному, на полицию рассчитывать нельзя.
- Жалко, я тебе тоже не помощник. Благово телеграмму прислал – надо срочно ехать в Варшаву. Там опять пристава убили. Как же ты один-то?
- Придется постараться. Очень!

На этом тогда их разговор закончился. Лыков перед отъездом зашел к исправнику, но того не оказалось на месте. Замещавший его помощник оказался человеком недалеким и не смог дать никаких разъяснений. Всю осень и зиму Алексей интересовался у Титуса, как продвигается расследование. На Рождество тот сам приехал в столицу. Рассказал, что все тихо, новых убийств не было и улики никаких добыть не удастся. Отсылая две недели назад Вареньку с детьми в Варнавин, Алексей вынужден был рассказать ей о страшных происшествиях. Строго-настрога запретил оставлять мальчиков без присмотра даже во дворе дома, а за ворота выходить только в сопровождении Степана Окунькова. Степан был дюжий парень, из бывших нефедьевских крепостных, преданный и надежный. Его приставили к Павлуке с Николкой на правах дядьки, ко всеобщему удовольствию и пользе. Тем не менее варнавинский маньяк не выходил у Алексея из головы. Нежданный отпуск оказывался очень кстати – теперь можно будет помочь Титусу.

Собрав вещи, коллежский асессор сунул в карман пачку червонцев и бегом спустился вниз. Хорошо быть состоятельным! Первым делом он отослал помощника дворника на вокзал за билетом до Москвы. Прибавил полтинник, и детина полетел на всех парах... Далее Алексей отправился по гостям. Начать он решил с городского Федора Кундрюцкого. Этого человека сыщик три года назад встретил в Первопрестольной, когда разыскивал убийц бывшего министра Макова. Хлопца тогда звали Федя-Заломай, и он за еду и выпивку охранял аборигенов Котяшкиной деревни от бандитов Грачевки. Схватившись в минуту знакомства с Лыковым на кулачки и получив тумачков, Федя проникся к нему уважением и поступил в полное подчинение. Недалекий, очень сильный и очень простодушный, он как раз тогда стоял на грани: сделаться бандитом или остаться честным человеком. Алексей увез его в Петербург и взял шефство. Теперь никто уже не помнил, что такое был Федя-Заломай. Существовал городской среднего оклада Федор Кундрюцков, образцовый служака. Великан успел уже и жениться на мещанке с Охты, причем Лыков выступил на свадьбе посаженным отцом. По случаю женитьбы Федор выселился из казарм Полицейского резерва и въехал в полуподвальную квартиру на Малой Морской.

Нынешний император не любил Зимнего дворца и в редкие свои приезды из Гатчины в столицу останавливался в Аничковом. (Там он жил еще цесаревичем.) Градоначальник Гессер заметил это и поставил осанистого и представительного Федора на Невском против ворот царской резиденции. Расчет его оправдался: в очередной свой приезд Александр Александрович заметил нового городского, подозвал и поговорил с ним. Простая благообразная речь

постового понравилась государю. Гессер сиял, а сам Кундрюцков был на седьмом небе от счастья. Служба Федору весьма удавалась. Необычайно эффектный в мундире и при оружии, аккуратный, степенный и надежный, он со всеми ладил. Многие находили в его рослой могучей фигуре сходство с молодым императором (сейчас, надо признать, их величество сильно располнели). Сигклитиния, молодая жена Федора, оказалась доброй и приветливой женщиной, души не чаявшей в муже. Она обнаружила большой житейский ум в соединении с тактом и скоро стала направлять своего Феденьку, иногда уж слишком простоватого, по скользким тропинкам бытия. Делалось это незаметно для окружающих, но успешно. Сошлась супруга и со своей свекровью. Платонида Ивановна хоть и постарела, но была довольна ходом жизни; составилось замечательное семейство. Все шло к тому, что к следующему Рождеству Алексею предстояло перелицеваться из посаженного отца в крестные.

Выйдя на Невский, сыщик издала увидел своего подопечного, шефство над которым он постепенно передавал Сигклитинии. Федор, обнаружив наставника, растянул рот до ушей и молодецки откозырял. Договорились, что в девятом часу Алексей зайдет на Малую Морскую испить чаю, и сыщик отправился дальше. Вечерело, но белые ночи чудо как хороши в столице. Это время года Лыков особенно любил в Петербурге. А тут еще предстоящий отпуск! Скоро он обнимет Вареньку, взгромоздит на плечи Брюшкина с Чунеевым. Коллежский ассессор шел навестить другого своего приятеля, подполковника Закс-Гладнева.

Этого человека сыщик впервые встретил в Забайкалье. Три года назад по поручению уголовного «короля» столицы Анисима Лобова он пробрался в Нерчинский каторжный район. После череды кровавых событий «демон» Лыков открыл свою личность приставу района и получил от него поддержку в выполнении августейшего поручения. Закс-Гладнев оказался достойным человеком. Лыков с Благово перетащили его из каторжного угла в петербургское градоначальство. Сейчас Александр Витальевич состоял в должности участкового пристава в Казанской части. К следующей Пасхе он должен был получить чин полковника и сразу же – производство в полицмейстеры второго отделения. То-то возвысится человек... Пока еще не зазнался, надо его навестить. Лыков зашел на Офицерскую, в помещение «Казанки». Договорился там с Заксом, что заглянет к нему нынче на вечерок, по выходе от Кундрюцкова (они удобно жили по соседству), и возвратился домой.

Жаль, что в городе не было самого верного друга, подполковника Таубе. Вот с кем хорошо славно получается выпить! Правда, с тех пор как тот женился на докторше Атаманцевой, встречаться они, по правде сказать, стали реже... Очередная пирушка как раз была назначена на середину июня. Но барон неделю назад отбыл в командировку в Гороховецкие лагеря, и не один, а с Федором Ратмановым, по прозвищу Буффаленок. Федор был сыном лыковского товарища, погибшего шесть лет назад в Нижнем Новгороде при предотвращении покушения на покойного государя. Спас его тогда, но сам не уберется... Буффаленок появился неожиданно, в восемьдесят третьем году, приехав из Америки на поиски отца. Смышленный подросток заинтересовал военную разведку: вырос за границей, знает тамошние обычаи, свободно владеет английским. Таубе стал готовить из него агента-нелегала длительного внедрения, сам обучая премудростям тайной службы. В Гороховецкие лагеря Федор укатил за погонями вольноопределяющегося. После месячных курсов парня должны были зачислить в роту охраны Военного министерства. Оттуда Таубе переведет его писарем в Военно-Ученый комитет, и обычная жизнь для Буффаленка на этом навсегда закончится. Через два-три года в Англии или Германии появится молодой человек, сирота, лишившийся родителей в далекой колонии. Освоится, получит образование, «обрастет биографией» и станет делать карьеру. Военную или политическую, Таубе еще не решил. И однажды у России в стане противников окажется глубоко законспирированный резидент. Лыков и Таубе могут и не дожить до того времени, когда Буффаленок начнет приносить пользу – операция рассчитана на десятилетия... На обратном

пути с лагерных сборов барон обещал заехать в Нефедьевку, навестить лыковское семейство и привезти папаше от них поклоны.

Все вечерние планы перечеркнул клочок бумаги, ожидавший Алексея на квартире. Это был экспресс из Варнавина. Варенька прислала телеграмму только из пяти слов, но они ударили сыщика в самое сердце: «ТИТУС СМЕРТЕЛЬНО РАНЕН СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ».

5. В дороге

Лыков делал все, как заведенный автомат: пил, ел, с кем-то о чем-то говорил, садился в поезда, торговался с извозчиком... А сам думал только об одном: Яша мертв. Никогда больше не посмеются они летним вечером на веранде, не сходят на рыбалку и не хлебнут под укоризненные взгляды жен вкусной рябиновки. Сыщик сказал себе: «Покорись беде, и беда покорится», – но это легко лишь на словах. Внутри Алексея словно оборвалась какая-то важная жила. Так уже было однажды, когда он хоронил Буффало, и вот теперь снова. Еще в ноющей от боли душе Лыкова накапливалась холодная злость. Было ясно, что Титуса убил тот же человек, который мучил и губил маленьких детей. Порубочные дела уже успокоились, угрозы съемщиков сошли на нет после замены кордонной стражи. Титус с удовлетворением писал в последнем отчете, что «лесные пираты» смирились с новыми порядками. И теперь азартно расхищают заброшенные владения Челищева. А вот розыски маньяка Ян тайно продолжал. И видимо, как хороший сыщик, напал на след...

Коллежский асессор ни к кому не стал заходить в Москве и как можно быстрее выехал оттуда в Нижний. Здесь он, прежде чем навестить мать с сестрицей, разыскал Петра Фороскова. Именно Петр стал помощником Титуса в сыском отделении после переезда Благово с Лыковым в Петербург. Алексей зашел в контору и, не здороваясь, сказал:

– Яков смертельно ранен.

Форосков вскочил со стула, меняясь в лице:

– Кто? Как?

– Сам пока в неведении. Получил телеграмму из Варнавина. Еду разбираться. Не знаю, застану ли его в живых...

– Я с вами!

– Да, но не сразу. Нужна маскировка. Мне более пригодится там тайный помощник. Я уж все придумал. Яша искал в городе маньяка, что убивал детей. А полиция бездельничает. Поэтому я начну расследовать дело явно, а ты подберешься с другого конца. Приедешь и поселишься под видом темного человека. С нехорошим каким-то прошлым и явно с чужими документами. Тамошний фартовый люд начнет к тебе присматриваться. Сочини им историю, заради чего тебя занесло в Варнавин. Беглый, например. Надобно лечь на дно, отсидеться в тихом месте. А попутно ищешь, чего тут можно подломать. Вживись в среду и начни вынюхивать. Изнутри больше узнаешь, чем снаружи.

– Понял. Завтра же поплыву следом за вами.

– Нет. Поедешь сушей, на крестьянской почте через Семенов и Баки. «Глаз»²⁰ найдется?

Форосков ухмыльнулся:

– Могу полгорода обеспечить! Столько мазуриков на реке – не поверите! Но я лучше под своим... Помните, как тогда, когда Битюга ловили?

Петр служил в пароходной компании «Самолет» специалистом «по особенной части»: ловил страховых мошенников, воров, шулеров и прочую нечисть, промышляющую на пароходах.

– А оружие?

– Имеется. Когда брали Вовку Шелепятника в Бешенцове, я заначил его шпалер.

– Деньги нужны? Я теперь богачей – не стесняйся...

– Наслышаны! Но на первое время хватит. Скажите лучше о способе связи.

– Как поселишься – покажись мне. Городок маленький, увидаться легко. В трактире или еще где. Потом пойдешь на квартиру, за тобой следом будет мой человек, Степан Окуньков. Он

---

²⁰ «Глаз» – фальшивый паспорт (жарг.).

и станет курьером. Вот тебе пока вспомогательная задача. Как обживешься, спроси у местного воря, что тут можно почистить. И упомяни среди прочего богатый дом на Дворянской улице, нефедьевскую усадьбу. Ходил, мол, высматривал да и высмотрел. Чьи-де хоромы, много ли там добра, какая прислуга... Тебе скажут, что владельцы проживают в загородном поместье, а сюда частенько наезжают; но дом богатый. Ты начни вроде как обдумывать налет. Разговоры с дворником, расположение комнат... Ну, и сообщников подбирай, потому как в одиночку такое не сотворить. А когда все кончится, мы этих стервецов из города поганой метлой выметим.

– Понял. Схожу-ка я по старой памяти в сыскное. Может, кто из варнавинских сейчас в нашем остроге парится; попробую пароль получить.

– Это было бы полезно. Но главная твоя задача – маньяк. За три года он удушил троих детей из простых сословий. Которые без бонны по улице ходят. Мучил их еще перед смертью, сволочь... Он и Яшу убил. В маленьком городе, как Варнавин, ничего надолго скрыть нельзя. Поэтому наверняка есть кто-то, кто что-то знает. Видел, слышал, догадывается. А в полицию не идет. Вот этого человека нам с тобой и надо найти в первую очередь. И будь осторожен! Что выведаешь – сначала сообщи мне, сам на рожон не лезь. Если маньяк к Яше сумел подобраться – сам понимаешь...

На этом они расстались. Лыков, прежде чем ехать к родным, выправил себе билет на ближайший пароход до Козьмодемьянска. Он очень спешил – вдруг еще успеет застать Титуса в живых? Поэтому, когда дома никого не оказалось – матушка с сестрицей и ее детьми уже переехали на дачу в Доскино, – даже обрадовался. Пообедал в Блиновском пассаже, прогулялся по кремлю, заглянул в Гостиный двор. Некоторые из старых городских узнавали Алексея и отдавали ему честь, но больше было новых, незнакомых. Повстречались одноклассник по гимназии и чиновник из губернского правления; постояли, поболтали. Еще попался бывший сыскай агент Девяткин, ушедший из полиции после ножевого ранения. Сейчас он служил старостой артели каменщиков и сам уже брал небольшие подряды. Степан выглядел довольным и имел планы на будущее. Лыков тут же сговорился с ним о постройке каменного храма в Нефедьевке (давняя Варенькина мечта). Заявил при этом, что на богоугодное дело денег не пожалеет. Обрадованный Девяткин побежал готовить смету. Он понимал, что успешное выполнение такого заказа сразу подымет его на новый уровень, и звал бывшего начальника спрыснуть дело. Алексей спешил и отказался. Договорились, что через две недели Степан придет в Варнавин с бумагами и архитектором, и сыщик пошел гулять дальше.

В Гостином дворе ему подвернулась бывшая симпатия Ольга Климова. Она сильно располнела. Богато и со вкусом одетая, настоящая дама, Ольга Павловна выбирала себе в лавке театральный лорнет. Возле нее покорно топтался лысый толстячок лет пятидесяти, с добрыми, немного коровьими глазами. Семейная пара выглядела вполне благополучной. Лыков не стал подходить, а продолжил прогулку по родному городу. Но как ни любил он Нижний, как ни было ему здесь хорошо, огромная тяжесть давила сыщика и притупляла все радости. Алексей ехал хоронить друга.

В два часа пополудни Лыков сел на новый двухпалубный пароход товарищества «Зевеке» и отправился в Козьмодемьянск. Комфорт на судне был неописуемый, а в карте буфета значилось до двухсот блюд. Но Алексей сел на палубе в лонгшез и мрачно уставился на проплывающие мимо знакомые волжские пейзажи. Вот промелькнуло любимое им древнее село Кадницы с красивым храмом на горе. Затем они прошли живописные острова возле Татинца, следом – торговое Лысково со старинным монастырем напротив и уже ночью миновали Васильсурск. В первом часу ночи коллежский асессор сошел с парохода и первым делом кликнул извозчика.

Козьмодемьянск – уютный городок с почти десятитысячным населением, тихий и благополучный. Однако на время сплавной лихорадки он превращается в огромный шумный балаган. Крупнейшая в России лесная биржа собирает здесь на несколько недель десятки тысяч бурлаков и множество торговых людей. На берегу Волги выстраиваются длинной шеренгой

деревянные сараи. Перед каждым на длинном шесте вывешен значок съемщика, а под ним толпятся пришедшие за расчетом адуи. Расчет производится днем и ночью. Круглосуточно чалятся плоты и беяны, возле уреза воды идет приемка леса. Завершив сплав и получив деньги, бурлаки первым делом направляются в кабаки. Их можно понять: полмесяца они, как проклятые, мотались на скользком плоту, не раз макались в ледяную воду, ели всухомятку и часто рисковали жизнью, и все это ради 12–14 рублей заработка... Отметив окончание сплава, повеселевшие мужики начинают собираться домой. Тут из года в год повторяется одна и та же картина. Дело в том, что ветлужские пароходы не имеют в Кудемьянске (так называют этот город адуи) собственной пристани и потому скитаются по чужим. Никогда нельзя заранее узнать, где именно такой пароход станет принимать пассажиров. Поэтому толпы бурлаков носятся по берегу с одной пристани на другую, стараясь угадать нужное им место.

В прошлом году, пробираясь в первый раз в Варнавин, Лыков уже хлебнул всех прелестей ветлужского судоходства. Слабое и незначительное, оно не привлекает поэтому того внимания «водяных» властей, которое выпадает судоходству волжскому. Как следствие, и порядки здесь царят изумительные. Расписания нет, причальных устройств нет, тарифов устойчивых и тех не существует. Наплевательское отношение к пассажиру возведено в принцип. На Волге за такое давно бы лишили патента, а тут все сходит с рук. От устья Ветлуги до Варнавина четыреста верст, и на таком расстоянии всего три пристани! Пароходы, конечно, принимают пассажиров и с лодок, но по капризу капитана; а могут и мимо проплыть. Материальная часть судов изношена донельзя, и потому часты поломки и многочасовые из-за них остановки. Это все оттого, что плавание по реке возможно лишь полтора месяца в году, и судовладельцам не хочется ради такой короткой навигации делать улучшения. С начала июня посудины переводятся на Волгу, где служат исключительно для перевозки грузов. Избалованные волжские пассажиры не станут садиться на те грязные, тесные, изношенные суда, которыми вынуждены довольствоваться жители Поветлужья.

Все это Алексей уже знал по прошлогодней поездке, но сейчас его ожидало новое приключение – плавание вместе с бурлаками. Выбирать не приходилось – он желал быстрее прибыть на место. Поэтому, взяв извозчика, сыщик загрузил в пролетку чемодан с корзиной и велел отыскать ближайший ветлужский пароход. Они объехали четыре пристани: Самолетскую, Меркуриевскую, Кашинскую и Волжскую²¹ – и нигде не находили нужного судна. Наконец им подсказали, что на Любимовской пристани утром ожидают прибытия парохода «Боян» купца Овчинникова. Поехали туда. Действительно, у причала обнаружили облезлую посудину с низкой трубой и затянутым тряпкой окном в лоцманской будке. На берег вместо полагающейся сходни с перилами была брошена обычная доска. Перед этим чудищем, невзирая на ночное время, толпились пьяные бурлаки. Они галдели, матерились и требовали пустить их на борт. Возле доски стоял краснорожий, с сизым носом, помощник капитана и кричал, сложив ладони рупором:

– Осади! Братья начнем в половине седьмого утра! А сейчас пошли все на хрен, мы идем на приемку дров!

Обрадованный Алексей расплатился с извозчиком, схватил багаж и решительно поднялся на борт. Команда приняла это как должное. Глядя на храбреца, еще несколько человек из чистой публики взойшли на корабль. После этого доску убрали, и «Боян» зачалился возле каких-то складов, даже не помышляя грузиться дровами.

Коллежский асессор занял единственную на судне одноместную каюту первого класса, но обжиться в ней не успел. Пришел капитан со слезящимися глазами и еще более сизым носом. Он извинился и попросил перейти в соседнюю двухместную каюту, освободив эту для дамы. Лыков, разумеется, согласился. Тот час же появилась и сама дама, представившаяся титу-

²¹ То есть пароходного общества «По Волге».

лярной советницей Самопальщиковой, женой варнавинского акцизного инспектора. Довольно молодая и очень разговорчивая, она тут же пригласила нового знакомого посетить их дом на Костромской улице. Приняв приглашение, Лыков потащил вещи в соседнюю каюту. Его попутчиком оказался высокий худощавый господин лет тридцати пяти, с эспаньолкой на симпатичном, но болезненном лице. Согнувшись в три погибели, он сыпал по всем углам порошок персидской ромашки из большого кулька. Алексей поздоровался и вынул точно такой же кулек. Мужчины дружно рассмеялись.

– Позвольте представиться: варнавинский земский статистик Панибратов Амилий Петрович. Сердечно рад знакомству!

Смех у статистика тоже оказался приятным.

– И я рад. Лыков Алексей Николаевич, коллежский ассессор. Служу в Петербурге по эм-вэ-дэ.

– По эм-вэ-дэ? – заинтересовался Панибратов. – И по какой именно части? Сатрапствуете потихоньку, хе-хе?

– Ну, что вы. Помощником столоначальника в департаменте общих дел. Бумажки с места на место перекладываю.

Он имел правило не называть незнакомым людям без нужды истинный род своих занятий.

– Лыков, Лыков... Не вы ли новый владелец Нефедьевки?

– Я, но только не владелец, а опекун. Владельцами станут наши с Варварой Александровной сыновья, когда, даст Бог, вырастут.

– Да, да, опекун, конечно, опекун, – замахал руками Амилий Петрович. – Извините великодушно, вечно я все путаю. В имение пробираетесь?

– Истинно так.

– Изменение судеб Нефедьевки занимало наш маленький городок целую зиму. Вы станете популярны в Варнавине! Такая богатая усадьба, лес великолепный – и все много лет разорялось. Вы нашли замечательного управляющего! Ян Францевич образцово ведет хозяйство, он честнейший человек.

– Благодарю; я того же мнения. Но давайте доделаем дело...

– Да, да, конечно, доделаем, – опять замахал руками статистик. Видимо, характер у него был покладистый, но рассеянный.

Вдвоем они соорудили на пороге целый крепостной вал из персидской ромашки. Как только бурлаки подымутся на борт, все помещения судна будут мгновенно заполнены «легкой кавалерией» – вшами. Адуи носят их на себе в невероятном количестве.

Закончив строительство оборонительных рубежей, попутчики отправились в буфет. Там заправлял лысый человек в засаленном фраке и грязной гаврилке²². Таким же грязным было все вокруг: скатерти на трех столах, салфетки, приборы, стойка...

– Еще рано! – заявил лысый, не слушая заказа. – Буфет откроется в одиннадцать, сейчас же нет решительно ничего!

Не обращая на него внимания, Алексей взял со стойки замызганную карту:

– Ого! Восемьдесят семь блюд!

– Не верьте этому, Алексей Николаевич, – пытался опять замахать руками Панибратов, но вовремя осекся. – Это их старая шутка. Для отвода глаз написано, а на поверку и десяти блюд не наберется!

Буфетчик пытался вырвать карту, но безуспешно.

– Цыц! – скомандовал ему Лыков. – Слушать приказ!

И бросил на прилавок «синенькую». Лысый стразу встрепенулся.

---

²² Гаврилка – пристяжная манишка.

– Вы позволите вас угостить со знакомством? – вежливо поинтересовался у попутчика Алексей. – Благодарю. Значит, сейчас принесешь во вторую каюту чаю с пирогами и графинчик «вдовьей слезы». Ну и там что полагается к нему: балычок, икорка, артишоки.

– Последних нет, ваше благородие!

– Высокоблагородие. Неси, что есть. На стоянке купи еще рыбных пирогов. А на ужин спроворь уху из стерляди.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! Сей же момент самовар поставлю!

Лыков с Панибратовым вышли на прогулочную площадку между первым и вторым классами. Уже рассвело. По реке неслись в большом количестве пароходы, перебрасываясь, как приветствиями, короткими свистками. Сверху, сколько захватывал взор, сплошной лентой тянулись плоты. Кое-где между ними, словно плавучие острова, возвышались беляны. Аккуратные домики козьмодемьянских обывателей жались по горе, окруженные пышными садами. А у самой воды бурлил, как осиный улей, лагерь бурлаков.

– Красиво... – прошептал было Амилий Петрович, но тотчас же закашлялся и ушел в каюту. Пришлось и Лыкову вернуться с ним.

– Вы случаем, извините, не с кумысного лечения возвращаетесь? – спросил сыщик сочувственно.

– Это так заметно, да? – скривился статистик. – Оттуда. Третий год езжу. У меня горловая чахотка. Говорят, с ней надо в Швейцарию, в горный санаторий. А на какие шиши?! Вот... Кумыс много дешевле, а все одно помирать скоро...

– Ну, кому когда помирать – это не нам решать, а Богу, – решительно осадил Алексей Амилия Петровича. – А нам – бороться и надеяться. Вы в Крым не ездили? Цены скромные, и воздух в горах не хуже, чем в Швейцарии.

– Нет, даже не думал об этом, – заинтересованно ответил собравшийся уже помирать статистик. – А это мысль! Правда, там так недорого?

– Крымские татары берут сущие копейки. И лечебницы уже появились.

Тут вошел лысый буфетчик с подносом, и разговор переменялся. После двух рюмок «вдовьей слезы» Амилий Петрович перешел на местные новости, более похожие на сплетни. Воспользовавшись этим, Алексей в паузе задал статистику интересовавший его вопрос:

– Скажите... я вот чем обеспокоен... Сыновья мои в поместье проживают, но иногда наведываются и в Варнавин. Что у вас там творится? Говорят, кто-то детей убивает?

Панибратов сразу поставил недопитую рюмку на стол, положил трясущиеся руки себе на колени и покосился настороженно:

– Это вам господин Титус рассказывал?

– Да. У него тоже дети; он обеспокоен, как и я.

– Ян Францевич задавал мне весной этот вопрос. И с точно такими же интонациями. Странно, право...

– И что же вы ему на это ответили?

– То же, что сейчас отвечу и вам. Я ничего не знаю об убийствах. Ничего! И вам копаться в них не советую.

– Почему?

Но статистик уже закрылся. Лицо его сделалось отчужденным, подозрительным. Он демонстративно взял газету и отвернулся. А Лыков надел шляпу и пошел наблюдать погрузку основной массы пассажиров. Тех, от кого он оборонялся персидской ромашкой...

В десять часов пополудни «Боян» вошел в устье Ветлуги. Река впадает в Волгу двумя рукавами. Тот, что ближе к Нижнему Новгороду, более широкий, но и более мелкий. Пароходы используют второй рукав, ближний к Козьмодемьянску. Он тоже неглубок да еще и поделен надвое островом. Одну протоку заняли идущие сверху плоты, «Боян» стал медленно поды-

маться по другой. Здесь в устье прятался самый первый и самый опасный пережат, ежегодно намываемый сильным течением. Одного его достаточно, чтобы парализовать все летнее ветлужское судоходство. Пара землесосов могла бы поправить дело, но ни у кого не доходят руки до решения этой важнейшей местной проблемы...

Вода держалась еще достаточно высоко, и пароход прошел пережат без помех. Тут же удар судового колокола собрал всю команду на молитву – таков обычай на Ветлуге. Бурлаки за компанию тоже перекрестились и опять уселись распивать водку. На палубе яблоку негде было упасть. «Боян», рассчитанный на 150 человек, принял на борт 500! Каюты первого и второго классов никто из адуев, конечно, не занимал – билеты туда стоят по восемь с полтиной да по пять рублей. А бурлаки платят рупь двадцать пять и едут всю дорогу стоя. Зато уж делают они при этом что хотят, осознавая свое количественное превосходство. Чистая публика в своих хоромах оказалась словно в осаде и побаивалась лишний раз выходить на палубу. Крепкие бородатые мужики в красных, синих и суровых рубахах забили все свободные пространства и в трюме, и на корме, и на прогулочной палубе. Пароходное начальство сидело в рубке за картами, стараясь ни во что не вмешиваться. Бурлаки были пьяны все поголовно и поэтому вели себя нагло: горланили неприличные песни, дерзко заглядывали в окна кают, мочились у всех на глазах прямо через борт. Играли гармошки, люди, почесываясь от паразитов, резались в тринку. Пустые косушки озорники кидали в проплывающие мимо плоты, стараясь угодить своим менее везучим коллегам в голову. Те в ответ матерились и грозили баграми. Лыков с Панибратовым заперлись изнутри и мирно читали. К теме маньяка Алексей больше не возвращался.

В первой на пути деревне – Сутыри – пароход остановился для забора дров. Топливо на ветлужские пароходы грузят крестьянские женщины. «Боян» ткнулся носом в берег, с борта полетела чалка с пешней, а следом за ней матрос. Он закрепил конец и установил доску, по которой тут же забегали замотанные в темные платки бабы. Они сбрасывали охапки поленьев в трюм. Помощник капитана стоял возле люка, записывал прием, а заодно щипал носильщиц, что помоложе, за задницу. Буфетчик принес в каюту купленные в деревне полуаршинные пироги с запеченными в них целиком лещами.

Лыков решил сходить за новым графинчиком и зарекся. Весь буфет был занят пьяными в стельку мужиками. Лысый крутился как белка, нарезая печенку и подавая водку. Бутылка дрянного полугара – восемьдесят копеек, и отбою нет от покупателей! Хмельные бурлаки недобро косились на барина, и Алексей счел за лучшее побыстрее убраться к себе в каюту.

Вдруг через час из коридора послышался резкий женский голос: это их соседка кого-то высокомерно и запальчиво отчитывала.

– О, боже! – ахнул Панибратов. – Опять дура Самопальщикова скандализует! В прошлом году было то же самое. А когда адуи огрызнулись, она в крик! Волостной писарь Сажин за нее вступился, так ему все зубы повыбили! Вот поверьте, сейчас на помощь позовет. Дура, ах дура...

И точно: послышались грубые мужские голоса, ругань, а потом истеричный крик:

– Помогите! Команда, капитан, на помощь!

Лыков встревожился и подошел к двери.

– Ах, Алексей Николаевич, ради бога, не вмешивайтесь! Ведь их там пятьсот человек, и все пьяные! Дурака бьют, а умный не суйся. Пусть сама выкручивается!

Лыков хотел послушаться очевидно правильного совета, но крик перешел уже в дикий визг; послышались и шлепки. Алексей повернул ключ в замке и выскочил в коридор. Титулярная советница, прижатая к стенке, верещала; полуоторванный вуаль лоскутом свисал с ее шляпки. Два сильно хмельных бурлака со зверскими рожами засучивали рукава. Издали на них испуганно косились помощник капитана и матрос, не решаясь вмешаться.

– Это что такое! – рявкнул Лыков и энергичным толчком выбил обоих хулиганов на палубу. Самопальщикова воспользовалась этим и быстро скрылась в своей каюте, запершись изнутри.

– А ты ешшо кто? И чево пихаешься? – удивился белокрысый адуи.

Второй, что повыше ростом, не медля ни минуты, крикнул через плечо:

– Робя! Наших быют! А ну вали все сюды!

На этот призыв с кормы тут же прибежала толпа таких же пьяных бурлаков. Мигом они обступили сыщика со всех сторон. Положение его становилось угрожающим. Отбиться от такой своры было положительно невозможно, а до каюты ему добраться уже не дадут... Какой-то бородач с благоразумным лицом обратился к мужикам с успокоительной речью:

– Не трогайте его, ребята, расступитесь! Дайте уйти человеку. Вам же потом боком выйдет: вместо штоб домой барыши везти, в кутузке все отберут!

Но возбужденная толпа не слушала его и угрожающе все теснее смыкалась вокруг Лыкова. Что делать? Эх, зря он не послушал доброго совета Амилия Петровича... Приходилось выдумывать какой-нибудь эффектный трюк в расчете на свою силу: публика любит подобные обороты.

Тем временем хулиганы, видя такую поддержку, совсем обнаглели. Белокрысый схватил Алексея за грудки так, что сюртук затрещал:

– Че, барска кость, спужался? А неча на адуев руку подымать. Кто на нас подратся хочет, припасай на гроб досок! Вот щас мы с тебя и спросим...

– Это ты, пентюх, с меня спросишь? – очень спокойно осведомился у хулигана Алексей. – Пупок развяжется. А вот я спрошу!

Он вдруг резко наклонился вбок и сцапал сразу обоих драчунов. Обратным хватом, в охапку, словно пару снопов. Затем распрямился, и адуи оказались висящими в его объятиях на воздухе вниз головами. Окружающие ахнули и тут же отступили на шаг. Бурлаки взвыли от боли, беспомощно мотая ногами в лаптях; из их карманов горохом посыпалась на палубу мелочь.

– Дай-ка место, – вполголоса скомандовал Лыков, и толпа послушно расступилась. Он подошел к самому борту, наклонил драчунов над водой, словно малых детей, и душевно осведомился:

– Помыться не желаете?

– Пусти... черт... дышать дай... – просипел белокрысый побелевшими губами.

– Пустить? Это можно. Сейчас руки разожму и отпущу. До Кудемьянска доплывете, а там по новой на пароход сядете. Годится? Дурни стоеросовые!

Люди вокруг наконец опомнились и загоготали:

– Ай да барин! Вот это ловко! Поднавляль им ешшо!

– Да это ж Васька с Фомкой, самый злой народ! За козла на псарне служат. Брось их на хрен в Ветлугу – утонут, так не велика потеря!

Алексей отступил от леера, еще раз потряхнул пленников. Из кармана долговязого выскочила последняя монета и покатилась по палубе.

– Ну, что, ребята, простить, что ли, дураков на первый раз?

– Извини их, добрый человек; оно все от водки! Отпусти с богом.

Коллежский ассессор разжал хват. Бедолаги грохнулись об пол, как два мешка с овсом. Они лежали и жадно хватали воздух губами; Лыков изрядно помял им ребра.

– Кому еще мелочишку вытрясти?

Кольцо вокруг сыщика быстро-быстро рассыпалось, бурлаки торопливо начали расходиться.

– Чтоб тихо у меня! – благодушно сказал им в спины Алексей. – Не шути больше рубля!

И вернулся в каюту. В окно он видел, как Васька с Фомкой, охая и держась за бока, ползали по палубе и собирали выпавшую мелочь.

– Вы смелый человек, Алексей Николаевич, – уважительно пробормотал Панибратов. – Никогда не видел, чтобы такую массу пьяных удалось бы усмирить!

– Да, вы смелый и очень-очень сильный! – затараторила пролезшая к ним в каюту госпожа Самопальщикова. – Я вам так признательна! Весь город узнает о вашем отважном поведении!

– А вы, Мария Антоновна, тоже хороши! – накинулся на нее Амилий Петрович. – Мало вам показалось прошлого года? Из-за своей фанаберии чуть нас всех под монастырь не подвели. Бурлаков взяли воспитывать! Уж коли выпало ехать вместе с ними, так сидите в каюте и не высовывайтесь до самого Варнавина!

Завязалась перепалка, которую Лыкову с трудом удалось прекратить предложением выпить чаю. Закусив, сыщик отправился гулять по пароходу. После тряски над бортом все почтительно перед ним расступались. Ругань стихала, некоторые даже снимали шапки (таким Алексей вежливо отвечал тем же). На корме Лыков разговорился с бородачом, заступавшимся за него, – тот оказался съемщиком не из важных. Рассудительный и благоразумный, он глянулся сыщику. Звали бородача Евлампий Рафаилович Рукавицын. Больше часа они разговаривали о лесе, о приемах сплава, о нравах ветлугаев и прочем. Съемщик, коренной житель Варнавина, оказался очень сведущим человеком, и в конце беседы Алексей задал ему вопрос о маньяке.

– Есть такое дело, – сказал тот, глядя на темную ветлужскую воду. – Балуется кто-то. А кто – неведомо. Уже троих робят удушил, нехристь; одной-то, Фисе, я приходился кресненным. Така девка была веселая, полоротая²³. Стараемся теперь за малыми приглядывать...

– А полиция что?

– Полиция... Эх... Почитай, нету ее у нас. Исправник и городской пристав лесом торгуют, им служить неколи.

– Лесом торгуют? Вместо того чтобы убийц ловить?

– Точно так. Их и на месте-то никогда не бывает, все по своим делам ездют.

«Вот сволочи, – подумал Алексей. – У них детей душат, а они коммерцию завели; доберусь я до стервецов через министерство!»

– А у вас, простите, что к этому за интерес? – осторожно спросил Рукавицын.

– Я Лыков, новый опекун Нефедьевки. У меня жена с ребятами все лето тут будут жить.

– Вон чево... Новые хозяева, значит... Да. Управляющий у вас строг, но честен, мужиков не обманывает. Прижал он тут многих, которые возле вашего лесу наживались... За детишков, стало быть, опасаетесь?

– Опасаюсь, Евлампий Рафаилович. Вы уж, ежели чего узнаете, сразу сообщайте мне. Хорошо?

– Как есть. Сами боимся, сами хотим от эдакого зверья избавиться.

Дальнейшее плавание протекало не без приключений. Дважды «Боян» терся бортом о плоты-однорядки, густо катившиеся мимо. Возле Асташихи сломалась и долго чинилась машина, а когда снова завелась, от искр из трубы загорелась обшивка рубки второго класса. Но все это на Ветлуге в порядке вещей и никого не удивляло...

Река в среднем своем течении много уже Волги. Когда пароход идет по ней, то хорошо видны оба берега и их население. Сначала обжитых мест вокруг мало, запашки совсем не видно, и леса лиственные. Затем выше по реке лес переходит в смешанный, а деревеньки встречаются все чаще. Правый берег особенно красив. На нем живописно располагаются большие села с каменными храмами, дворянские усадьбы и лесные кордоны. Ветлуга очень извилиста.

---

²³ Полоротая – громкоголосая (ветлужск.).

Некоторые селения пассажиры видят издали пять-шесть раз под разными углами, прежде чем проплывут, наконец, мимо.

Новая долгая остановка была возле села Никольского. Полсотни бурлаков сошли здесь на берег, и опять по доске – пристани в таком значительном селе почему-то тоже не полагалось. Затем, еще до темноты, миновали село Успенское. Сельский храм стоит тут на высоком обрыве. Он окружен кладбищем, которое подмывается рекой. Каждую весну, по словам Рукавицына, оползни открывают все новые и новые могилы, обрушивая их в Ветлугу. Неприятное зрелище...

То и дело пароход заворачивал в очередной кривуль – так здесь называют петли, выпиываемые рекой. Всезнающий Евлампий Рафаилович пояснил, что так будет до самых верховий. Самый знаменитый кривуль, именуемый Исправникова лука, находится выше Варнавина. Русло очерчивает здесь овал длиною в шесть верст, причем концы этого овала разделяет полоска земли шириной всего пятнадцать сажень! Лыков слушал ветлугая с интересом. Прошлогоднее свое плавание по реке он почти полностью провел в каюте, отсыпаясь после кавказских передрыг, и теперь видел все, по сути дела, впервые.

Стемнело, да и прогулки по палубе сделались небезопасны. Из трубы валил плотный черный дым, наспигованный искрами. От них загорались волосы, тлела одежда. Спасая новый сюртук, Лыков вернулся в каюту. Амилий Петрович уже тоненько похрапывал. Алексей тоже прикорнул, но спалось ему плохо: сказывалось нервное напряжение. Вместо сна к сыщику приходили рваные обрывки каких-то видений. То он за кем-то гнался, то уже гнались за ним. Вдруг появился высокий человек с черным лицом и сказал замогильным голосом: «Ты и твоё семейство – все умрете на Ветлуге!» Лыков хватил его кулаком – и проснулся. Пароход стоял, на палубе ощущалось многолюдное движение. Слышались бодрые мужицкие голоса. Одевшись, Алексей вышел наружу. «Боян» притулился к пристани богатого села Воскресенское. Половина пассажиров сошла здесь на берег. В утреннем тумане угадывались большая гора и добротные дома на ней. Узнав у кассира, что пароход простоит здесь два часа, Лыков решил прогуляться. Требовалось окончательно выветрить из головы дурной сон.

От пристани вел вверх пологий скат. Мощенный булыжником, он сделал бы честь и уездному городу. Мужики на телегах предлагали барину подвезти его, но тот решил взобраться сам. На горе открылась широкая торговая площадь, тоже мощеная и украшенная храмом и каменными лавками. Во всем облике Воскресенского проглядывал достаток. Лыков нагулялся, выпил на пять копеек кринку молока и вернулся к пароходу. Когда тот двинулся в путь, коллежский асессор опять ненадолго прилег, и уже без кошмаров. Он хотел снова увидеть во сне черного человека и стереть его в порошок, но тот словно убоился и больше не показывался. Плицы колес мерно били по воде, кричали плотогоны, взвизгивал иногда свисток, и беспокоились суетливые чайки. Выспавшись, Лыков вышел на палубу и устроился на площадке между каютами и общей рубкой второго класса. Здесь была крыша, защищавшая от искр, и гуляла преимущественно чистая публика. «Боян» пыхтел и медленно, но неуклонно приближал Алексея к могиле Титуса... Возле села Благовещенского прошли теснину Прудовского острова, особенно не любимую бурлаками. Последняя остановка была у села Баки. Здесь набрали дров, а буфетчик купил живых стерлядей и пирогов с рыбой. Сошли еще несколько адуев, а их место заняли торговые люди с кладями, трезвые и скучные. Все, теперь оставался последний переход до Варнавина. Правый берег здесь застроен особенно густо. Почти сплошной чередой шли селения, среди которых красиво выделялась усадьба Кочугова. Радовало глаз и село Дмитриевское, необыкновенно живописно поставленное на горе. Но Алексей смотрел на это великолепие без удовольствия. Все ближе скорбная минута... Когда проплывали село со странным названием Макарий-Притыка, подошел Евлампий Рафаилович и пояснил. Оказалось, что, согласно легенде, сюда приткнулся передохнуть святой Макарий, когда спускался по Ветлуге

на камне из Унжи... Наконец прошли последнее перед городом крупное село Богородское. Народ высыпал на палубу, тащили узлы, корзины, кто крестился, кто бранился. Приехали!

6. На осадном положении

Уездный город Варнавин с реки не виден. Хорошо заметен только шатер старинной Никольской церкви, поставленной на могиле Преподобного Варнавы Ветлужского. Могила пользуется особой народной любовью и привлекает богомольцев даже из других губерний.

«Боян» проплыл мимо «стрелки» – красивого откоса, изрезанного тремя глубокими оврагами. Стрелка играла в городе роль парка для прогулок и увеселений. Вот и пристань. Грязная доска полетела на грязный дебаркадер, и пассажиры высыпали на берег. Прямо от пристани уходила вверх крутая «водовозка» – дорога, по которой возят в город воду в бочках из святого ключа. Налево шел Красницкий спуск, пологий и мощный; по нему доставляют в Варнавин прибывшие по реке клади. Справа же карабкалась по горе длинная, в один марш, деревянная лестница. На пристани уже дожидались: госпожу Самопальщикovu – экипаж с мордастым кучером, а Рукавицына – простая мужицкая телега. Оба предложили Алексею довезти его до дома, но тот хотел побыстрее остаться один. Поблагодарив, он обещал всем новым знакомцам (включая и Панибратова) навестить их в ближайшее время. Поручил Евлампию Рафаиловичу доставить к дверям свой багаж, простился с попутчиками и налегке отправился по лестнице вверх.

Варнавинская лестница знаменита в своем роде – такой нет больше по всей Ветлуге. 156 широких ступеней, ежегодно подновляемых земством, ведут от пристани на бульвар. В четырех местах сделаны на ней площадки и поставлены для отдыха скамьи. И правда, на одном дыхании трудно подняться на такую крутизну: даже Лыкову пришлось перевести дух. Неожиданно для себя сыщик решил сразу пройти на кладбище, поискать Яшину могилу. Он поднялся на гору, пересек безлюдную Соборную площадь (немошеную – позор для уездного города!) и вошел в ограду бывшего монастыря. Здесь возвышался главный городской собор – Троицкая церковь, единственный в Варнавине каменный храм. Из-за скучной его спины выглядывала Никольская, окрашенная почему-то в кирпично-красный цвет. Вокруг нее до сих пор хоронили именитых горожан, и Лыков спешил именно туда. Уж конечно, Титус, хоть и не коренной житель, должен быть упокоен в этом святом месте. Однако когда коллежский ассессор прошел на кладбище, то нигде не обнаружил свежего холмика с временным деревянным крестом. Все захоронения оказались старыми. Больше всего почему-то попало могол ксендзов, сосланных в Варнавин за участие в восстании 1863 года. Сердце Алексея екнуло. Неужели Якова погребли за оврагом, на мещанском погосте? Или... Сделав еще круг и убевлившись, что моголы Титуса здесь нет, Лыков заглянул в Никольскую церковь и сотворил там торопливую молитву за здоровье раба божия Якова. Потом выскочил как ошпаренный и, уже не стесняясь, побежал домой.

Городская усадьба Нефевьевых стояла в начале Дворянской улицы, по правой стороне, если идти от собора. Одноэтажный, но просторный, с обширным мезонином дом был заметен издали. Когда до него оставалось пятьдесят сажений, Алексей увидел удивительную, умилившую его картину. Из калитки выскочили Варенька и Агриппина Титус и, неприлично высоко задрав юбки, бросились ему навстречу. Обе были в платьях светлых тонов без всяких следов траура!

– Жив! Жив! – еще издали радостно закричали они Лыкову. Вне себя от радости, тот подлетел к дамам, схватил их в охапку и сделал так несколько кругов вальса по тротуару. Потом аккуратно поставил, не разжимая объятий, и принялся целовать их по очереди. По лицам женщин текли обильные слезы, да и у самого Алексея першило в горле. Должно быть, они представляли для прохожих любопытное зрелище.

Наконец, Агриппина вырвалась из сыщиковых объятий, отступила на шаг и сказала сиплым голосом:

– И будет жить!

Спустя несколько минут Лыков заседал в обширной гостиной и пил чай. Варенька с Грушей устроились напротив и рассказывали наперебой:

- Его ударили ножом сзади под левую лопатку. Целили в сердце.
- Но оно же у него не там! – радостно воскликнул Алексей.
- Вот! А тот, кто бил, этого не знал!

Титус имел очень редкую патологию: сердце у него помещалось справа, а не слева. Это обстоятельство ничуть ему не мешало, а вот теперь спасло жизнь.

- Где это случилось?
- В конце Солдатской улцы, за бараками для обучения запасных.
- Как же он спасся, а не истек кровью?
- Его стоны услышал Тимофей Рукавицын, юноша, который случайно проходил неподалеку.

– Тимофей Рукавицын? Не сын ли он Евлампии Рафаиловичу?

– Да, – ответила Груша. – А вы его откуда знаете? Съемщик здешний. Он нам ваши вещи с парохода завез, вот мы с Варей и побежали навстречу.

– Да мы плыли вместе на этом пароходе. Разумный дядя!

– Все семейство Рукавицыных очень порядочное. И Тимофей в родителей пошел. Он, собственно говоря, и спас Якова. Тот был еще в сознании и успел дать юноше инструкции, как остановить кровотечение. А потом впал в забытие... Но Тимофей сумел его правильно перевязать и дотащил на себе до больницы.

– Надо бы отблагодарить паренька!

– Я уже ходила к ним, предлагала триста рублей, но там не приняли. Стыдно, говорят, деньги брать за спасение христианской души.

– Хм... Ладно, я найду способ. Как Ян чувствует себя сейчас? Я могу с ним немедленно поговорить?

– Яша еще очень слаб, но в сознании и медленно поправляется. Мы можем пойти к нему хоть сейчас.

– Вот только умоюсь с дороги, и сразу пойдем. Варенька, а где мои разбойники?

– В поместье, с няней Наташей.

– А Окуньков при них?

Варвара Александровна хлопнула длинными ресницами:

– Денно и ночью, как ты и велел. А что?

– Молодец, все верно. После больницы поедem к ним.

Земская больница представляла собой длинное одноэтажное деревянное здание в конце Набережной улицы. Через полчаса Лыковы с Грушей входили в дворянскую палату, довольно чистую. Пахло карболкой и персидской ромашкой. Бледный, как полотно, с бесцветными губами, на ней лежал Титус и вяло глядел в потолок. Увидев посетителей, он сразу повеселел.

– Здравствуй, Яша! Извини – ехал и не чаял с тобой побеседовать. Есть ведь Бог, а?

– Есть... – согласно прошептал бывший грозный сыщик.

– Ты видел того, кто тебя ударил?

– Нет... Сразу потерял сознание... Потом очнулся... слышал, как он уходил... Мог повернуться, чтобы его увидеть... побоялся добьет...

– Хорошо сделал, что не повернулся. Главное, что ты живой. А этого вурдалака оставь теперь мне. У меня отпуск на два месяца – время есть.

Титус слабо улыбнулся:

– Конец ему теперь... лишь бы не сбежал...

– Но это он, маньяк? Ты, стало быть, напал на его след?

Тут Алексея ждало сильное разочарование.

– Ни на что я не напал... Ходил, выпрашивал... Все чего-то боялся... сразу замыкался... Получил записку...

– От кого записка? И где она сейчас?

– Дома... в столе.

– Ею тебя вызвали к казармам?

– Да. Поверь, я был осторожен... Никто не смог бы подойти незаметно... Но этот подошел...

– М-да. Такое по силам лишь пластуну, и то не всякому.

– Я уже думал об этом... Такой, как ты, с военным опытом... Или охотник...

Тут вдруг Ян откинул голову и ровно задышал – впал в забытие.

– Пойдем. – Супруга потянула Алексея за рукав. – Он еще слаб, на сегодня достаточно.

Лыков отправился на поиски лечащего доктора и вскоре нашел его в коридоре женского крыла. Весь заросший коротким седым волосом, флегматичный, очень полный, эскулап толково ответил на все поставленные вопросы. Фамилия у доктора была подходящая – Захарьин²⁴.

– Вашему управляющему крайне повезло. Столько «если бы»... Надо признать, что и сам он сохранил присутствие духа, и очень помог своему спасению.

– Он поправится?

– Безусловно. Сильный организм, молодой. Но легкое пробито, теперь за ним придется следить всю жизнь.

– Сколько времени, на ваш взгляд, уйдет на полное выздоровление?

– Два-три месяца. А осенью хорошо бы свозить больного в Швейцарию или Альпийскую Германию.

– Вам что-нибудь требуется сейчас для полноценного лечения Яна Францевича? Лекарства, инструменты? Говорите без оглядки на сумму.

– Нет, случай не сложный. Наша лечебница справится своими силами.

– Что вы скажете о характере ранения? Бил профессионалист?

– О да! Точно под левую лопатку, наповал. Обычный человек умер бы мгновенно.

– Скажите, а не вас случайно приглашали осматривать тела задушенных детей?

Тут доктор даже обиделся:

– Меня, и вовсе не случайно! Я уездный врач!

– Извините, не хотел вас задеть. Что имеете сказать об этих жертвах? Можно предположить, что все три убийства совершило одно лицо?

– А вам, милостивый государь, какое дело до этих убийств? Обратитесь в управление полиции. Там расскажут... если сочтут нужным...

– Доктор, у вас есть дети?

В лице Захарьина что-то дрогнуло:

– Ну... сыну девятый год.

– И вы за него не опасаетесь? В городе маньяк, полиция его не ищет. А вот Титус, отец семейства, его искал. Делал работу за ту самую полицию, в которую вы посоветовали мне обратиться. Видимо, убийца почувствовал угрозу и решил избавиться. Помогите теперь мне найти его!

– Ваш управляющий искал маньяка? Он производил партикулярное расследование?

– Да. Ранее, до службы здесь, Ян Францевич возглавлял Нижегородскую сыскную полицию. Искать он умеет очень хорошо.

– Теперь понятно... – Доктор присел прямо на подоконник и жестом пригласил Лыкова последовать его примеру. – Вы правы – наши полицейские слишком увлечены лесной торговлей,

---

²⁴ Однофамилец знаменитого терапевта Г. А. Захарьина, основателя московской клинической школы.

чтобы ловить убийцу. Безобразие. Но я не в силах тут ничего поделывать. А вот вам помогу, чем смогу. Вы ведь тоже, поди, из бывших сыщиков?

– Почему же из бывших? Служу в Петербурге помощником начальника Летучего отряда Департамента полиции...

– Ого!

– ...а сюда прибыл в отпуск на два месяца. С целью найти маньяка. Вам, как отцу, это на руку.

– Безусловно!

– Итак, рассказывайте все, что знаете.

И Захарьин, понизив голос и косясь по сторонам, изложил следующее.

Все три убийства, по его словам, определенно были совершены одним человеком. Полового насилия над детьми совершено не было, но мучили их жестоко. У всех троих были вывернуты и переломаны пальцы рук, вырваны пряди волос. И душил их маньяк долго, возможно, растягивая удовольствие. Еще доктор высказал важное и неожиданное предположение:

– Мне кажется, – сказал он, – что детей убивал подросток. Или старик.

– Почему?

– Он, конечно, был много сильнее своих жертв, но... Как бы это точнее выразить? В его действиях не ощущалось силы взрослого мужчины, вот! И то, что я счел за растягивание удовольствия, быть может, происходило от недостатка у маньяка физической мощи.

– Подросток или старик... А психические больные в Варнавине есть?

– Это первое и единственное, что выяснила полиция. Опасных психопатов нет. Последнего буйнопомешанного отправили в Кострому еще шесть лет назад. Имеются безобидные сельские дурачки, но они все на виду, живут в своих семьях. Нет, наш маньяк не состоит на врачебном учете. И внешне представляется окружающим совершенно здоровым.

– И он подросток или мужчина некрепкого телосложения. Так?

– Предположительно, да.

– А тот, кто сумел подкрасться к опытному Титусу и нанести ему практически смертельный удар, не подходит под ваш портрет.

– Не подходит, – вздохнул доктор.

– Вывод?

– Вы же сыщик, а не я!

– Вывод тот, что их двое. И они могут быть как связаны между собой, так и совершенно не связаны.

Собеседники расстались по-дружески. Захарьин обещал сообщать Алексею все, что сумеет узнать по интересующему его делу. И вообще, поняв, что за поиски маньяка взялся серьезный человек, уездный доктор как-то повеселел...

А Лыков вернулся домой задумчивый. Подросток или subtilный мужчина... Возможно, старик... Это как? Прожил век с такой червоточиной в душе, и никто его не раскусил? Невозможно. Бок о бок с людьми, много лет. Кто-то да заметил. Но молчит. Полицию на Руси не любят. Где могут, стараются обойтись без нее. Опять же город маленький, узнают, сочтут за наговор. Надо зайти завтра к Рукавицыну, потолковать с ним. Пусть порасспросит обывателей по-свойски. Ему скажут такое, что Лыкову или судебному следователю не сообщат никогда.

Теперь второй. Уж этот точно не подросток! К Титусу сумеет подкрасться... Лыков залез к Яну в стол и нашел упомянутую им записку. На четвертушке простой почтовой бумаги было написано аккуратным, типично писарским почерком: «Если хотите узнать важное, приходите сегодня в полночь в конец Солдатской улицы где бараки для ратников. Только один и возьмите двадцать рублей за что сообщу». Вот и первая улика! Начертание букв казенное, без видимых индивидуальных особенностей. Но завитушки в букве «в» любопытные, и «р» сильно сплюснута; пригодится в розыске.

Наконец, умывшись и собрав гостинцы, Лыков оправился в Нефедьевку. Экипаж Титус обновил. Легкую стальную пролетку, сработанную в Варшаве, споро тащили две гнемые башкирки. На козлах восседал кучер Сазонт Сазонтыч, катавший еще Варенькиного деда. Сама Варвара Александровна сидела рядом с мужем, прижимаясь к его могучему плечу; напротив примостилась Груша.

Нефедьевка расположена всего в восьми верстах от уездного города. Ничего себе имение! 30 000 десятин строевого леса, 1700 – пашни и усадебной земли, 2100 десятин выгону и почти 6000 сенокосу (чистого, мокрого и с кустарником). Дача имеет форму большой, вытянутой с запада на восток трапеции. Широкий конец этой трапеции примыкает к лесной речке Наврас, а узкий выходит к устью другой местной речки, Лапшанги, у впадения ее в Ветлугу. По границам владений расставлено шесть кордонов, в каждом проживают по два объездчика (женатые – с семьями). Объездчики на крепких конях и хорошо вооружены. Их главная задача – недопущение порубок, но плюсом еще надзор за состоянием фонда. Титус успел создать целую службу, новую для уезда. Он назвал ее несколько претенциозно: «отделение по воспроизводству леса». Артель вольнонаемных мужиков во главе с опытным лесоводом занимается теперь выращиванием саженцев и их посадкой. Кроме того, зимние вырубki упорядочены и наносят минимальный ущерб природе. Все это Ян успел сделать всего за два года!

На высоком берегу Лапшанги, с видом на пойму Ветлуги, стоит обширная барская усадьба. Главный дом в 18 комнат подремонтировали, покрыли крышу оцинкованным железом и заново выложили все печи. Рядом с ним расположены службы: баня, прачечная, летняя кухня, конюшня, дровник, казарма для прислуги, гостевой флигель. Особняком поставлен дом управляющего. Все это окружено парком, спускающимся к реке. Парк запущен, но еще красив; Титус грозился заняться им, однако руки пока не дошли. Наконец внизу, у реки, поставлены лодочная пристань и лесопильный завод; особняком огорожены две купальни.

В двух верстах выше по течению Лапшанги раскинулась бывшая крепостная деревня. Она тоже именуется Нефедьевкой. Чтобы не путать ее с поместьем, последнее поэтому чаще называют Нефедьевская дача. Отношения с мужиками выстроены деловые, а потому хорошие. Дача круглый год дает работу, кроме того, дозволяется брать лес на нужды общества. Если еще построить новый каменный храм вместо обветшалого деревянного, так и совсем славно станет...

Через полчаса пути пролетка остановилась перед главным домом. Лыков первым делом побежал отыскивать детей. Павлука и Николка обнаружили в беседке на угоре²⁵ реки. Они весело сражались игрушечными кинжалами, год назад привезенными отцом из Дагестана. Рядом в песочнице играли в мирные куличики дочери Титуса. Поблизости стоял Степан Окуньков и внимательно – вот молодец – за всем наблюдал.

Завидев папашу, юные абреки побросали кинжалы и кинулись в его объятия. Павлука, как более бойкий, мигом вскарабкался отцу на шею, Николку пришлось взять на руки. Больше часа Лыковы всем семейством шатались по имению: Варенька показывала мужу сделанные Титусом улучшения. Груша тем временем успела распорядиться, чтобы для прибывшего хозяина натопили баню.

Потом был обед. Наевшись досыта, Брюшкин и Чунеев уснули. Алексей же вызвал в кабинет Окунькова и имел с ним долгий разговор. Сначала он одобрил, как Степан бдительно надзирает за детьми, затем велел этот надзор еще усилить.

– Сам видишь – кто-то пытался убить Яна Францевича. Тебя одного может не хватить, особенно если пойдете в лес или на рыбалку. Сними с кордона двух лучших объездчиков. Когда ты станешь выезжать в город, пусть стерегут детей.

– Зачем же мне выезжать в город?

²⁵ Угор – высокий берег (ветлужск.).

– Скоро туда тайно прибудет мой помощник, бывший сыщик Петр Форосков. Ты будешь у нас на связи.

– Ага... Вы решили споймать того злодея!

– Конечно. Я получил отпуск на два месяца. Поселюсь в городе и начну там землю рыть. Ты останешься здесь старшим над прислугой. Когда понадобится – вызову. Вот, возьми, и без него теперь ни шагу.

Алексей протянул Окунькову шестизарядный «веблей-скотт».

– Обращаться умеешь?

– Никак нет, Лексей Николаич. Я, видите ли, освобожденный от воинской повинности. Как единственный сын при своих родителях. С ружьишком балуюсь иной раз, а с такою штукой не доводилось...

– Сейчас пойдем в лес, научу. Пришей изнутри поддевки, на левой поле, внутренний карман. Будешь там прятать. Чтоб всегда теперь был при оружии.

– Слушаюсь!

– Далее вот что. Собаки в имении есть? Что-то я сейчас ни одной не видел.

– Бегаёт одна Жучка. Ласковая; дети ее любят.

– Понятно. Срочно заведи двух сторожевых. Пусть будут неласковые, зато чужих пуганут. Одну будку поставь на въезде, а вторую перед главным домом. Семью управляющего сегодня же перевези на жилье к нам.

– Слушаюсь!

– Сколько в усадьбе мужчин?

– Я, конюх с помощником, дворник, истопник, повар, лакей, буфетчик.

– А лесоводы?

– Они в деревне дом сымают.

– Те, кто здесь, люди надежные?

– Буфетчик запивает, но Варвара Александровна не велит его выгонять.

– Рассчитать его сегодня же. Обойдемся без буфетчика.

Окуньков только крикнул.

– Прочие?

– Люди честные. Много лет при Нефедьевых служат.

– Как прибудут два егеря с кордона, разбей всех мужчин на смены. Пусть один караульщик при оружии постоянно обходит ночью все имение.

– Слушаюсь!

– Пока я ищу эту сволочь, Нефедьевка переходит на осадное положение. Людям быть настороже. Комиссионеров, офеней, просто гуляющих незнакомцев всех гнать взашей. Ставни на окнах укрепить и на ночь закрывать. Когда кто-то выезжает по делам, смотреть, чтобы несколько мужчин при этом всегда оставались в доме. И пусть у каждого будет свое ружье.

После Окунькова Алексей вызвал Вареньку и Грушу и известил их о новых порядках в имении. Обе приняли их беспрекословно.

– Я поселюсь в городском доме. Вы останетесь здесь и в Варнавин будете ездить только с охранником. Когда встретите на улице случайно Петра Фороскова, помните: вы с ним незнакомы.

– Ой! – Варенька смешно наморщила нос. – Петр Зосимович тоже здесь?

– Пока нет, но скоро появится. Он будет искать с другого конца. Мы тут все вверх дном перевернем, но выясним, кто детей убивал и кто покушался на Яшу!

7. Город Варнавин

Уездный город Варнавин имеет всего 1152 человека населения. Место он занимает глухое: 1223 версты от столицы, 563 – от Москвы и 385 верст от губернского города Костромы. Кругом леса да болота... Площадь всего уезда 9430 квадратных верст. На них расположено 800 000 десятин леса (из которых 83 000 – казенные) и 18 000 десятин лугов (лучших на Ветлуге). Уезд разделен на два стана и 18 волостей. Многие из живущих тут крестьян – раскольники.

Освоение этого глухого края началось в 1417 году. Тогда из Великого Устюга прибыл священник Варнава и поселился на Красной горе. Устюг в это время сделался местом кровавых раздоров между новгородцами и Московским княжеством, его постоянно жгли и разоряли то те, то другие. Устав «от ненавистой розни мира сего», преподобный и удалился в моленный скит. Он провел в нем 28 трудных лет. Кругом жили идолопоклонники-марийцы, в Заволжье полыхала Черемисская война. Варнава молился и наставлял тех, кто приходил к нему за словом Божиим. Он являл собой пример великого пастыря. Постепенно его скит сделался важным миссионерским центром, из которого по округе исходили лучи православной веры. Когда в 1445 году преподобный скончался, иноки воздвигли на горе два храма: в честь Николая Чудотворца и в честь Пресвятой Троицы. В 1497 году прибывшие из Унжи монахи основали на месте скита Троицко-Варнавинский мужской монастырь. В 1639 году Преподобный Варнава Ветлужский был причислен к лику святых.

В скудном лесном краю монастырь так и не сумел развиваться. Он медленно хирел и в 1764 году был упразднен как «маломощный». Прилегающая к нему слобода стала селом Варнавинская пустынь. В 1778 году Екатерина переименовала его в уездный город Варнавин и наделила гербом. В новоиспеченном городе тогда числилось всего 11 дворов, в которых проживали 50 человек!

Появление органов уездной власти послужило к развитию вчерашней монастырской слободы. В 1835 году была построена первая и пока единственная каменная церковь – Троицкая. В 1865-м, на волне Александровских реформ, учредилось Варнавинское земство. И все же город оставался маленьким и каким-то неказистым. Минувшим летом Алексей посетил соседний город Ветлугу, стоящий выше по течению одноименной реки. Казалось бы, такой же медвежий угол, ан нет! Населения почти впятеро больше, на красивой площади стоят огромный собор и торговые ряды, хоть и деревянные, но добротные. Чистые мощеные улицы, многочисленные лавки; есть даже немецкая булочная! Вот это уездная столица, а тут...

Лыков знал общую статистику Варнавина. В городе 6 храмов, включая кладбищенский. Имеются мужское шестиклассное училище, женская церковно-приходская школа и земская больница. Все. Промышленность представлена единственно винным заводом купца Попова. Еще два лесопильных завода и древесно-картонная фабрика расположены в уезде. Кроме того, как говорят, приехал из столицы местный помещик, камергер Базилевский. Устал от жены и скрылся в леса... В своей Шудской даче камергер грозит открыть стекловаренное дело, но обыватели сомневаются.

Несколько оживляют город четыре ежегодные ярмарки: Рождественская, Троицкая, Варнавинская и Михайловская. Особенно на Варнаву 11 июня бывает много народу: приезжают даже из соседних губерний. Торг тогда длится три дня. Бесчисленные паломники «по обещанию» ползают на коленях вокруг Никольской церкви. Кладбище, угор и все тротуары по ночам заполняются людьми, спящими вповалку прямо на земле. Большая площадь именуется Соборной с «монастырского» конца, а в остальной своей части она называется, как и положено, Базарной. В ярмарочные дни множество возов и палаток покрывают на ней все пространство и даже заворачивают в прилегающие улицы. Много дел бывает у полиции. Приезжими

забиты постоянные дворы и лучшая в городе гостиница Островского. Из своих имений съезжаются местные помещики с семьями. На пристани в живорыбном садке плещутся огромные стерляди. Помощник повара то и дело спускается за ними из трактира и потом тяжело лезет с полной корзиной в крутую гору. Гудит ермолаевская пивная, гудят и городские кабаки. К вечеру мужики, продав весь товар, напиваются чернее государевой шляпы. Обнявшись, они ходят по улицам и долго пугают обывателей пьяными песнями. Но ярмарка проходит, и улицы снова пустеют.

Единственное место, где в будни теплится жизнь, – это упомянутая площадь. Она придумана в 1778 году, когда Екатериной был утвержден план застройки нового города. Площадь стоит на крайнем выступе моренной гряды, омываемой Ветлугой. Исстари этот выступ называли Красная гора: то ли за красоту, то ли за глиняную осыпь обрыва. С бульвара, с высоты 35 саженей, открывается прекрасный вид на реку.

Юг площади занят, как уже указывалось, территорией бывшего монастыря. На могиле Варнавы всегда кто-нибудь молится; Троицкая церковь, хоть и главная, более пустынна. Кладбище вокруг старинное и потому заросло большими деревьями, в любую жару здесь тенисто. На скате к реке, красиво обсаженная деревьями, стоит часовня в честь того же Варнавы с ключом-колодезем. В городе есть еще два ключа: под горой (тот самый, с живорыбным садком) и под стрелкой (он тоже с часовней).

От площади отходят тремя лучами главные городские улицы: Дворянская, Костромская и Мещанская. В середине своей протяженности они пересекаются длинной Полукруглой улицей. Дворянская, несмотря на благородное название, самая неважная. Каменных строений на ней нет, а из домов примечательна лишь усадьба Нефедьевых. Та часть улицы, что идет от Полукруглой до кладбищенского оврага, называется в народе Чернотропой – за грязь и запущенность. На той стороне оврага – мещанское кладбище для бедноты, которой не находится места в бывшей монастырской ограде.

Есть еще два коротких луча, которые отходят от той же Полукруглой, – Солдатская и Варнавинская улицы. На Солдатской ближе к концу располагается уездная тюрьма. Там же казарма конвойных войск, а за ней те два барака, за которыми напали на Титуса. В бараках ежегодно в мае – июне поселяются запасные, призванные на учебные сборы. Остальное время казармы пустуют; иногда местное общество устраивает в них любительские театральные постановки. Ближе к перекрестку стоит неприметное деревянное одноэтажное здание с зарешеченными окнами – городской арестный дом. Варнавинская улица примечательна лишь жилищем богатого лесопромышленника Красильникова. Зато на углу Варнавинской и Полукруглой скопилось много всяких казенных строений, поэтому тут всегдалюдно. Уездное управление полиции, как и положено, соединено с пожарной частью и легко узнается по каланче. Вместе с ними здесь же помещается и уездное казначейство. Службы занимают одно из немногих каменных зданий Варнавина. Напротив – городская управа. Рядом лучший в городе постоянный двор Пономарева. Через улицу примечательно одноэтажное здание городского клуба, где по вечерам кипит жизнь. Бильярдные и ломбертные столы дополняет хороший буфет, и от чистой публики нет отбоя.

Костромская улица самая солидная. На ней стоит только что отстроенная усадьба купца Селиванова, наиболее красивая в городе. Это первый и пока единственный каменный жилой дом в два этажа. Есть и другие шикарные особняки, например помещика Смецкого и уездного предводителя дворянства Верховского.

Мещанская улица самая длинная. Она тянется до оврага перед пригородной деревней Потанино. Там создана не так давно новая площадь, пока безымянная, и на ней устроен противопожарный водоем. Из примечательных зданий на Мещанской можно отметить дом купца 1-й гильдии Попова с винным заводом при нем. Ну, завод – это громко сказано... Просто в

большом кирпичном сарае спирт разбавляют водой, после чего продают ведрами всем желающим... Еще возле самой площади в доме купца Семенова располагается земская управа.

По окраине города, соединяя концы Костромской и Мещанской, длинной дугой проходят еще две улицы: Новая и Полевая. Одна сторона их заставлена домами, а вторая смотрит прямо в поле. Строение там самое ничтожное, рассказывать о нем положительно нечего.

Полукруглая улица состязается с Мещанской по своей длине. Она начинается на Княжьей горе, пересекает поперек весь город и завершается спуском к Ветлуге; здесь она называется уже Красницкой дорогой. По правой стороне дороги стоят жилые дома, по левой – кузницы. Длинный мощеный спуск с мостом через речку Красницу (здесь обнаружили тело третьей жертвы маньяка) загибается затем влево и выходит на пристань. По спуску перевозят с пароходов в город тяжелые клади. Возле устья Красницы стоят еще две кузницы, а за ними небольшая площадка, где на Масленицу зажигают костер и проходят народные гулянья.

Две последние варнавинские улицы расположились у обрыва. Одна идет прямо по угору и называется бульваром. «Водовозка» разделяет бульвар на две части. Та, что ближе к собору, засажена невысокими деревьями и отмечена парой скамеек; она примыкает к монастырской ограде. Отсюда славный вид на стрелку и поворот Ветлуги. Вторая часть бульвара тянется к Княжьей горе и обустроена солиднее. Большая шестигранная беседка – излюбленное место отдыха обывателей. Деревья по аллее высокие, дающие тень и прохладу. Бульвар отделен аккуратным свежеекрашенным забором от последней городской улицы – Набережной, которая упирается в земскую больницу на 30 кроватей. Собственно, это и есть весь Варнавин. В уездном городе только одна настоящая площадь, а еще две слободки и девять улиц...

Город не очень живописен. В конце Базарной площади стоит деревянная, но по-своему элегантная гостиница Островского. При ней лучший в городе трактир, который трудно миновать человеку при деньгах и со вкусом. Справа от него, через дорогу – почтовая станция с телеграфным пунктом, а за ней бакалейная лавка Малиновского.

Налево от гостиницы высится большое двухэтажное здание уездных присутственных мест. Это самое большое кирпичное строение в городе, не считая тюрьмы. Далее, через Костромскую – городское мужское училище, дающее шестиклассное образование. Рядом с ним еще один дом купца Попова, следом особняк с мезонином, принадлежащий княгине Трубецкой. На самом деле она невенчаная жена покойного «сиятельства», права на титул не имеет, но в городе ее почтительно именуют княгиней. Проживает вдова во флигеле, а дом сдает под квартиры. Тут же помещается ермолаевская пивная – тоже знаменитое в городе злачное место, но для людей попроще.

Наконец, на углу Дворянской улицы стоит еще один дом с мезонином, занимаемый судебным следователем.

На Базарной площади сосредоточена и вся городская торговля. В Варнавине много купцов! Там, где «водовозка» подымается на угор, стоят сразу шесть бакалейных лавок; тут самое сладкое место в городе. Направо к бульвару, за лестницей с пристани, расположился бревенчатый барак. В нем помещаются три мясные лавки; под каждой выкопан вместительный ледник. Между угором и площадью, напротив присутственных мест, стоят торговые ряды. Четыре длинных лабаза вмещают в себя множеств ларьков и магазинчиков. Пять ларьков торгуют пирогами и пряниками, еще несколько – той же бакалеей. Но тон в рядах задают продавцы красного товара – мануфактуры. Справа от лабазов на шести столбах под навесом помещаются огромные весы; на них взвешивают возы с сеном.

Наконец, внизу, возле пристани, поселилось несколько варнавинских семейств, связанных с пароходным делом. Здесь река образовала затон, в котором зимуют некоторые из ветлужских пароходов. При затоне выстроены ремонтные мастерские. Тут же сооружен большой плот, с которого обыватели черпают для нужд ветлужскую воду.

Тихий и уютный Варнавин очень понравился Алексею еще в первый его приезд. Все на виду, все под рукою. Горожане как одна семья: каждый здоровается с каждым. Люди вокруг основательные – сквозной народ! – но приветливые и отзывчивые. Принято ходить друг к другу по праздникам, родниться, выручать в трудную минуту... Особо славятся варнавинцы своим гостеприимством. Даже небогатый человек по такому случаю поставит на ребро последнюю копейку. Лыков уже решил, что, выйдя в отставку седым генералом, он уедет с Варенькой доживать отпущенный век в Варнавине. Супруги станут пить чай на балконе с литыми балясинами, ходить любоваться ветлужскими видами, нянчить внуков. Именно здесь, в этом маленьком городке. Поскольку такие города лучше всего приспособлены для спокойной жизни.

8. Первые знакомства

Лыков стоял перед зеркалом и поправлял ордена на парадном мундире. Ему предстояло отправиться к местному начальству с расспросами, а для этого надлежало сперва представиться. Причем сделать это так, чтобы потом получить ответы на свои вопросы. Поэтому сейчас коллежский асессор развешивал награды по широкой груди особенно тщательно, чтобы произвести впечатление.

И то сказать, поглядеть было на что. Двадцатидевятилетний чиновник скромного восьмого класса имел уже два шейных ордена. К Станиславу второй степени за Забайкалье в прошлом году добавилась Анна. Лыков был прикомандирован тогда к экспедиции Военного министерства. Отряд казаков при четырех офицерах под командой барона Таубе пробирався в труднодоступный горный район Южного Дагестана. Возле снежных вершин заколдованной горы Аддала-Шухгелымеэр в кровавой схватке была уничтожена банда абреков, руководимая резидентом турецкой разведки. Таубе и Лыков остались живы чудом; их отряд потерял половину списочного состава. Это была настоящая боевая операция, поэтому Алексей, состоящий в статской службе, получил на шею Анну с мечами. В секретном указе было написано: «В виде совершенного исключения из правил, за отлично-примерное исполнение обязанностей помощника начальника отряда, связанное с многократной опасностью для жизни». Точнее и не скажешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.